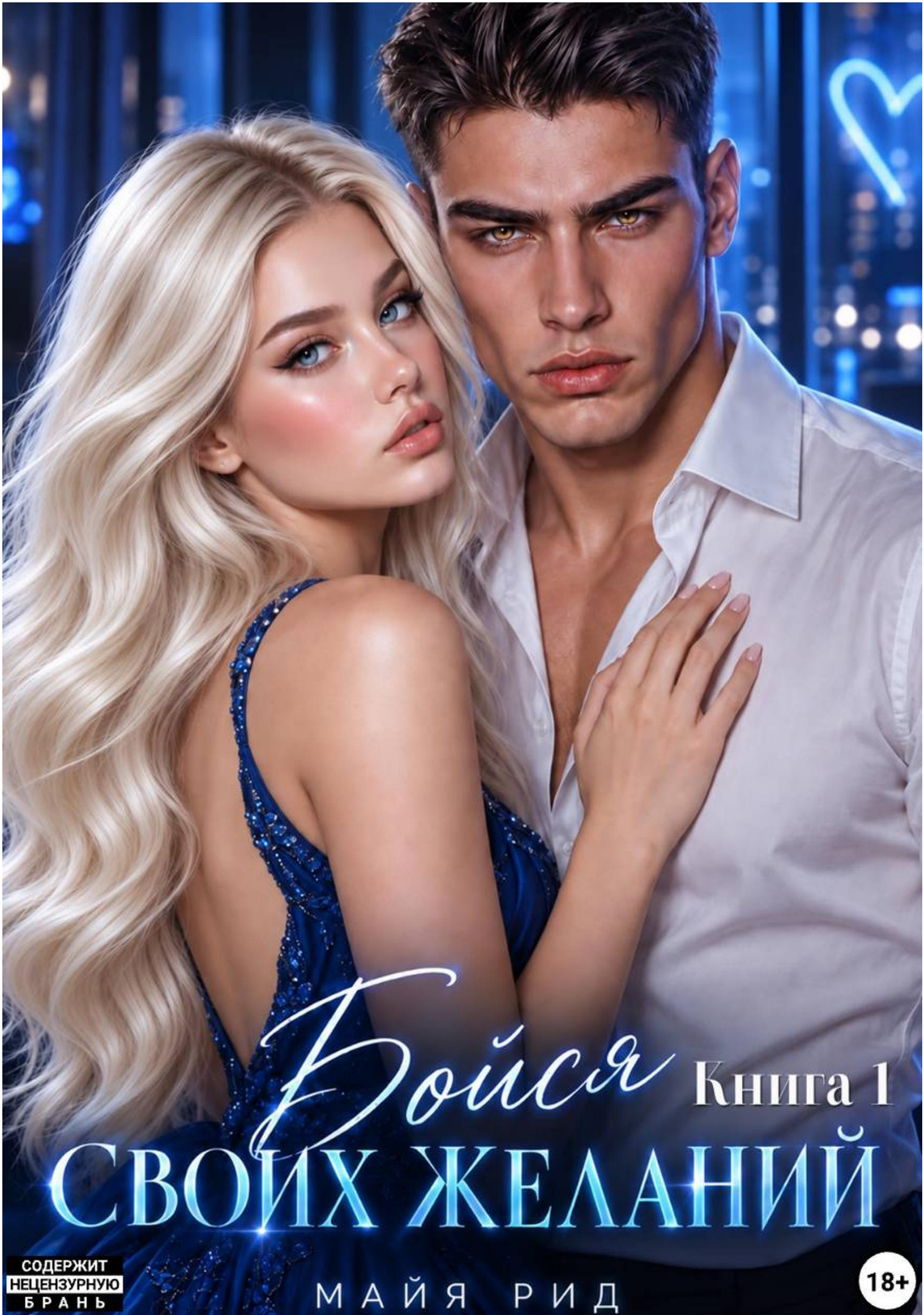
Бойся
Книга 1
своих желаний
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
МАЙЯ РИД
18+

Майя Рид

Бойся своих желаний

«Автор»
2026

Рид М.

Бойся своих желаний / М. Рид — «Автор», 2026

Семь лет назад я разбила сердце своему первому парню. А сегодня он купил меня на закрытом аукционе за большие деньги.Теперь мне предстоит провести с ним три месяца под одной крышей. Вот только меня колят подозрения, что именно Рустам причастен к моему похищению.Неужели спустя столько лет он решил мне отомстить? Или всё ещё надеется, что между нами что-то возможно?За эти годы Рустам изменился до неузнаваемости. Теперь я не знаю, чего от него ожидать. Мне бы просто как-нибудь пережить эти три месяца и больше никогда не появляться в его жизни. И всё было бы куда проще, если бы не одно «но».Семь лет назад я ушла от него вовсе не потому, что разлюбила...

© Рид М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Не тот маршрут 8
Глава 2. Выдернуть из берлоги. 11
Глава 3. Травма в подарок 14
Глава 4. Лот №3 19
Глава 5. В моих руках 23
Глава 6. Встреча с самим собой 26
Глава 7. Тот, кто всё знает 30
Глава 8. Вкус прошлого 35
Глава 9. Границы дозволенного 39
Глава 10. Там, где меня не найдут 44
Глава 11. Аромат прошлого 50
Глава 12. То самое 53
Глава 13. Сладкие пытки 57
Г 61
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Майя Рид
Бойся своих желаний

Пролог

Сижу в напряжении, выпрямив спину, сложив руки на коленях, и жду. Прислушиваюсь, пытаясь уловить хоть какой-то звук, хоть намёк на то, что будет дальше. Но Рустам молчит.

Уже начинаю думать, что это и есть наказание — сидеть здесь, слепой и беспомощной, и ждать, когда он соизволит что-то сделать.

Игнорирование. Ожидание. Молчание.

И вот, что-то меняется вокруг меня и я чувствую запах. Сладкий, свежий, чуть кисловатый. Делаю осторожный вдох, пытаясь понять, откуда исходит аромат, и в следующую секунду моих губ касается что-то холодное.

Вздрагиваю всем телом от неожиданности, рефлекторно облизываю губы и чувствую языком текстуру — нежную, чуть шершавую, с мелкими зёрнышками.

Клубника.

Моё дыхание становится глубже, чаще. Он хочет покормить меня клубникой? Это часть наказания? Или какой-то игры?

Рустам медленно ведёт ягодой по моим губам — от уголка к уголку, дразняще и не спеша. Его движения такие лёгкие, почти интимные, и от этого прикосновения по телу разносятся волны, собираясь где-то внизу живота. Непроизвольно приоткрываю рот, шумно выдыхая, готовая принять ягоду, но он надавливает ею на мою нижнюю губу, а в следующий миг убирает.

Не даёт укусить.

Закусываю губу, сдерживая разочарованный стон, и чувствую, как щёки начинают гореть. И снова он водит клубникой по моим губам — медленно, почти лениво, словно наслаждается процессом. Его прохладные пальцы иногда касаются моей кожи, и от каждого случайного прикосновения меня бросает в жар.

Он повторяет этот круг снова и снова: проводит ягодой по губам, подносит ближе, давая почувствовать запах и холод, и вновь убирает, не давая укусить. Это какая-то изощрённая пытка, от которой всё тело начинает гореть. Сжимаю бёдра, пытаясь унять пульсацию, которая бьётся где-то между ног, став почти невыносимой.

И тут же слышу его тихую усмешку.

Видимо, Рустам замечает моё движение, и понимает, что со мной происходит. Мне становится одновременно стыдно и... и приятно, что он видит, как сильно влияет на меня. Мои щёки вспыхивают ещё сильнее, и я понимаю, что сейчас, скорее всего красная, как и это платье.

Но он не даёт мне утонуть в смущении. Внезапно ощущаю прохладу на правой щеке — его ладонь, такая холодная, что кажется ледяной, прижимается к моей горячей коже.

Этот контраст температуры — обжигающий жар моих щёк и ледяное спокойствие его рук — вызывает у меня такой взрыв ощущений, что едва сдерживаю стон. Кажется, ещё немного, и я просто растворюсь, потеряю себя в этой игре, которую он ведёт так умело и безжалостно.

Хочется прижаться к его ладони, потереться щекой, как котёнок, выпросить больше этого спасительного холода и ласки, но он убирает руку. Хмурюсь, расстроенная, не понимая, почему он останавливается, почему дразнит, почему не идёт дальше.

И снова — клубника у губ.

Уже даже не пытаюсь её укусить, потому что поняла правила этой игры. Рустам будет водить ягодой, дразнить, мучить, а когда я расслаблюсь и перестану ждать — тогда, возможно, позволит попробовать её.

Он водит ягодой по моим губам, и я послушно жду, не пытаясь укусить, не пытаясь ускорить события. И вот он опять убирает ягоду. Потом касается губ. Снова убирает. И в какой-то момент, когда я уже теряю счёт этим движениям, он резко толкает ягоду глубже, и я успеваю укусить.

Сладкий сок разливается по языку — невероятно насыщенный, летний, почти приторный. Жую и чувствую, как капелька сока выскальзывает из уголка губ и начинает медленно стекать по подбородку. Собираюсь её стереть, но не успеваю — Рустам опережает меня. Проводит пальцем по моему подбородку, собирая сок, и я чувствую, как его палец задерживается на моей коже.

А потом начинается настоящая пытка.

Рустам кормит меня клубникой и поит шампанским из высокого бокала. Каждый глоток обжигает горло игристыми пузырьками, каждый укус клубники оставляет во рту сладкое послевкусие. И между этим — его прикосновения.

Мимолётные, случайные, почти невинные: пальцы скользят по моей шее, заправляя выбившуюся прядь, ладонь на секунду ложится на плечо, большой палец проводит по внутренней стороне запястья, где бьётся пульс.

И всё это в полной тишине. Он не произносит ни слова.

Только моё прерывистое дыхание нарушает эту тишину — слишком громкое, слишком частое, слишком интимное.

Все чувства обострились до предела.

Лишённая зрения, словно заново учусь воспринимать мир — через запахи, через прикосновения, через вкус. Каждое касание его пальцев отдаётся разрядом тока где-то внизу, каждый глоток шампанского кажется нестерпимо крепким, каждая ягода — слаще предыдущей.

У меня такое ощущение, что это бесконечная прелюдия, которая никогда не закончится. Что Рустам будет кормить меня, поить и касаться, касаться, касаться — но никогда не перейдёт к главному. Что это и есть наказание — быть рядом с ним, чувствовать его, хотеть его, но не иметь права взять.

Каждая клеточка моего тела тянется к нему, каждое нервное окончание пульсирует в ожидании. Начинаю ёрзать на диване, не в силах усидеть на месте, и снова слышу его тихую усмешку — он видит, что происходит, и продолжает свою игру с ещё большим удовольствием.

Совсем теряю счёт времени. Не знаю, сколько мы так сидим — десять минут или час. Знаю только, что внутри меня нарастает огромное желание, требующее выхода.

Клубника. Шампанское. Прикосновения. Тишина.

Чувствую себя пьяной, хотя сделала всего пару глотков. Но это опьянение не от шампанского — оно от него, от этой игры, от его молчания и его близости.

Клубника снова касается моих губ.

Не пытаюсь её укусить. Просто сижу с приоткрытым ртом, тяжело дыша, и жду.

Он водит ягодой по моим губам — раз, другой, третий. Убирает. Снова касается. Убирает.

Зажмуриваюсь под повязкой, стараясь успокоить бешеное сердцебиение, и в этот момент чувствую очередное прикосновение к губам. Но оно не прохладное, как от ягоды. И не сухое, как от пальца.

Оно тёплое. Живое. Мягкое.

И длится всего долю секунды.

Я не успеваю понять, что это было, потому что его уже нет. Только тепло осталось на моей коже, только электрический разряд, который прошёл от макушки до пяток. Кажется, я перестаю дышать.

Мне показалось? Или это было на самом деле?

Совсем не уверена, но всем своим существом — каждой клеточкой, каждой частичкой души — настраиваюсь на следующее прикосновение. Жду его, сгорая в ожидании.

И оно приходит.

Снова — тёплое, мягкое, живое. Короткий поцелуй, едва заметный, почти целомудренный. Губы касаются уголка моих губ, не дольше чем на секунду, и снова исчезают. Я не успеваю насладиться, не успеваю ответить, даже не успеваю понять — точно ли это были его губы.

Но я почти уверена. Надеюсь, что это были они.

Руки дрожат, сердце колотится так сильно, что, кажется, может выпрыгнуть из груди.

Я хочу ещё.

Хочу знать точно.

Хочу, чтобы Рустам сделал это снова.

В голове шумит, внизу живота пульсирует, и я сижу, не смея пошевелиться, не смея вздохнуть, только жду продолжения.

Шампанское. Клубника. Прикосновения.

И вот теперь — эти поцелуи-призраки, которые не могу различить наверняка.

А потом чувствую, как он наклоняется ко мне. Так близко, что я ощущаю его дыхание на своей щеке, на шее, на плече. Рустам двигается медленно, как дикий грациозный кот, останавливается прямо у моего уха. И наконец он нарушает молчание.

— Чего ты хочешь, Злата?..

Глава 1. Не тот маршрут

Злата

Почти вылетаю из подъезда, так как уже немного опаздываю на встречу с мачехой и юристом. До сих пор не понимаю, что за срочность, тем более в восемь вечера. Разве нотариус принимает так поздно?

Прохладный ветер гуляет по мокрым вечерним улицам, на которых почти никого нет — сильный ливень, который прошёл пару часов назад, разогнал всех по домам. Я бы и сама ни за что не вышла, если бы эта встреча не была так важна.

Очень надеюсь, что сегодня решится хоть что-то. Для меня очень важно, чтобы мне подписали отказ от наследства. Отказ от всего, что оставил мне отец.

Папа умер совсем недавно и я должна была бы горевать, наверное. Все нормальные дети, когда их родители умирают, чувствуют боль, пустоту и тоску. А я чувствую только страх и холодную злость на то, что он умудрился подпортить мне жизнь даже после своей смерти.

Почти не помню его хорошим. Помню только, как он издевался над мамой, что в итоге довело её до серьёзных психических отклонений, с которыми она даже не пыталась бороться, потому что не хотела возвращаться в мрачную реальность. Хорошо помню, как он вкладывал деньги в свой образ богатого и успешного бизнесмена, даже когда сам бизнес был на грани банкротства. А ещё помню его многочисленных любовниц, которых он почти не скрывал. Одна из них всё-таки добилась своего и стала его женой после смерти мамы.

Он не любил меня. Он не любил маму. Он не любил никого, кроме себя и своих денег.

Я не плакала на его похоронах. Не плачу и сейчас.

Внутри только животный страх перед тем, что он оставил мне в наследство. Не дом, не деньги, не память. А долги и людей, которые теперь могут прийти за мной. Которые могут требовать то, чего у меня нет.

До сих пор не знаю, сколько именно он должен. Но домработница, которая работала у нас много лет и знала меня ещё с детства, рассказала, что он одолжил деньги у самых бесчестных ублюдков. Они с радостью давали ему купюры, а он подписывал бумаги, даже не читая их. Ещё при его жизни их внезапная щедрость закончилась и они начали давить на него, накидывая бешеные проценты.

Он заложил почти всё, что у него было и не рассчитался с ними даже наполовину. Кажется, именно их угрозы и позор нашей фамилии — довели отца до остановки сердца. И теперь всё это "наследство" на мне и мачехе.

Жаль, что Кристина работает сегодня допоздна и не может поехать со мной. С ней мне спокойнее и она как никто другой умеет затыкать последнюю жену папы, которая только и делает, что пытается меня унизить и оскорбить. Она не стеснялась себя так вести даже при живом отце, а уж сейчас...

Тяжело вздыхаю и почти дохожу до угла, где паркуются машины. Вдруг слышу, как сзади резко открывается дверь минивэна, мимо которого я как раз сейчас прохожу.

Даже не успеваю обернуться, как чьи-то руки хватают меня за плечи и тащат назад. Зажимают рот, чтобы я не закричала. Инстинктивно пытаюсь вырваться, царапаюсь, брыкаюсь, но меня слишком крепко держат несколько мужчин. Не вижу их лиц, только чёрные маски и чёрную одежду. Они затаскивают меня в машину, и дверь захлопывается вместе с моей надеждой на побег.

— Помогите! — с хрипом вырывается из меня, но голос глохнет в грохоте мотора.

Мне накидывают на голову мешок, и мир погружается в пугающую и такую знакомую темноту. А потом меня пронзает острая мысль. Ростовщики!

Это наверняка они. Нашли меня и похитили из-за отца и его долгов. И теперь они хотят получить с меня то, что он им не отдал. Но денег у меня нет! Что тогда они сделают со мной?..

Сердце болезненно сжимается от страха. Я много раз слышала истории о таких людях. Они не церемонятся. Могут избить, изнасиловать или убить. Могут продать даже в рабство.

Больше не пытаюсь кричать или звать на помощь. Какой в этом смысл, когда меня закрыли от внешнего мира. А вот злить их мне хочется меньше всего. Я итак чувствую на себе сальные взгляды, иногда слышу смешки. Мне страшно, так страшно как не было уже давно...

Машина едет очень долго. Мешок на голове не даёт видеть, но я чувствую, что мы едем по гладкой дороге. Иногда поворачиваем или останавливаемся на светофорах. Пытаюсь запомнить направление, считать повороты, но это бесполезно. Сознание путается и я теряю связь с реальностью из-за жутких картинок, которые подбрасывает мне моё подсознание.

Из мыслей меня вырывает звук открывающихся ворот, а после полной остановки авто, меня выводят из машины и ведут под руки. Судя по ровному покрытию — это помещение. Но больше всего меня удивляет запах. Тут пахнет дорогим парфюмом и элитным виски.

Внутри буквально скручивает от осознания, что это могут быть не ростовщики. Возможно, это кое-кто похуже и пострашнее...

Но не успеваю даже додумать, как с меня резко сдёргивают мешок, и свет ударяет в глаза. Как только привыкаю к освещению, осматриваюсь. Передо мной незнакомый мужчина в очень дорогом костюме. Смотрит на меня спокойно и холодно, почти равнодушно. Словно ничего особенного не происходит. Будто каждый час ему приводят похищенных девушек.

А вдруг так и есть?..

Мельком оглядываюсь и понимаю, что не ошиблась. Это место и правда шикарное. Кожаная мебель, тяжёлые шторы, массивный дубовый стол. Это не склад и не подвал, куда обычно привозят ростовщики. Это место, где живут люди с деньгами. И это меня пугает даже больше, потому что я знаю только одного человека, который способен на подобное.

— Добрый вечер, — наконец произносит мужчина. — Мне жаль, что пришлось прибегнуть к таким методам, но у меня не было выбора.

— Кто вы? — мой голос хрипит от страха. — Зачем я здесь?

— Вас заказали, — без эмоций отвечает. — Вы участвуете в аукционе.

Ничего не понимаю. Аукционе? Что за бред? Я же не вещь!

— Каком ещё аукционе? — переспрашиваю, едва сдерживаясь, чтобы не зарыдать. — Зачем? Я не...

— Вы лот, — перебивает мужчина. — Вам нужно надеть то, что вам сейчас принесут, и выйти на сцену. Предупреждаю — без фокусов. Никаких глупостей и провокаций с вашей стороны, иначе...

— Но я не понимаю, что происходит! — пытаюсь встать, но руки похитителей сразу же сжимают мои плечи, удерживая на месте. — Кто меня заказал? Зачем? Вы, наверное, ошиблись, я... у меня нет денег, я не могу...

— Не имеет значения, есть у вас деньги или нет, — холодно бросает мужчина. — Вас уже заказали. Вы просто должны выйти на сцену и вести себя хорошо.

Всё ещё вопросительно смотрю на него, пытаясь понять, что это за странная жуткая игра. В голове проносятся несколько версий, одна хуже другой. Ростовщики решили продать меня, чтобы перекрыть долги папы? Но тогда почему они привезли меня в такое место? Или это всё-таки не ростовщики? Неужели меня хотят вернуть в тот ад, из которого я только чудом сбежала?!

— Кто вас нанял? — шепчу в попытках узнать имя заказчика.

Одновременно хочу и боюсь услышать ответ. Потому что пока не знаю, есть маленькая надежда на что-то хорошее. Но если услышу имя, которое пугает меня до нервной крупной дрожи — назад пути нет.

— Вас заказали, — повторяет мужчина, и его лицо не меняется. — Имя заказчика остаётся в тайне. Вы просто должны выйти на сцену.

Начинаю понимать, что он точно не скажет мне больше, чем уже сказал. Но потом незнакомец добавляет:

— Надеюсь, вы не доставите нам хлопот. Иначе... — делает паузу, и его голос становится ледяным. — Вам придётся искупаться в озере, но не для того, чтобы просто поплавать. Вы же понимаете, о чём я?

Услышанное только нагоняет жути, но не из-за угрозы смерти.

Почему он сказал именно про озеро? О моей любви к воде вообще почти никто не знает. За мной следили? Заказчик кто-то из знакомых?..

— Вам нужно переодеться, — нажимает на какую-то кнопку на столе и встаёт с кожаного кресла, направляясь к выходу. — Вас будут ждать.

В дверь тихо стучат, и в кабинет входит девушка с платьем и коробкой в руках. Она ставит всё рядом со мной и сразу же выходит, даже не взглянув на меня. А мужчина в костюме и похитители уходят вслед за ней. Они даже не закрывают дверь на замок, а значит с той стороны меня охраняют...

Остаюсь одна и смотрю на платье, которое лежит передо мной. Оно тёмно-синее, открытое и слишком вызывающее. Вздыхаю и снимаю свою одежду дрожащими руками, надевая его. Наряд идеально ложится по фигуре, открывая плечи и спину. Оно красивое и дорогое, но я чувствую себя в нём обнажённой и уязвимой.

Бросаю взгляд в зеркало и почти не узнаю себя. Бледное лицо, испуганные заплаканные глаза, и дрожащие руки. Сейчас я выгляжу как пленница. Как игрушка, которую готовят к продаже. Как девушка, которой я когда-то была...

— Всё будет хорошо, — шепчу себе, пытаясь успокоиться. — Всё будет хорошо. Кто бы это ни был, я справлюсь. Я должна.

Но внутри всё предательски сжимается от страха.

Вскоре заходит девушка, начинает поправлять мои волосы и наносить лёгкий макияж. У неё такое пустое выражение на лице, что я даже не пытаюсь задавать вопросы или просить помочь мне. Тут словно нет людей. Только оболочки, в которых спрятаны не человеческие души, а демоны.

Она так же молча выходит, а через несколько минут меня выводят из кабинета и ведут по коридору.

Мы заходим в какое-то просторное помещение и я слышу шум. Вижу свет, который пробивается из-за занавеса. И болезненно осознаю, что выбора у меня нет. Мне придётся выйти на сцену и стать чьей-то собственностью...

И я понятия не имею, кого я там увижу.

Глава 2. Выдернуть из берлоги.

Рустам

С самого утра этот день идёт не по плану.

Где-то к девяти, когда мой организм просит двойную дозу кофеина, осознаю, что у меня нет ни кофе, ни энергетика для восстановления энергии. Привычно залезаю в любимую службу доставки, которая никогда не подводит, делаю заказ и... именно сегодня мне приезжает какой-то розовый бенто-торт с сердечками и надписью «Я буду бесить любить тебя вечно», вместо жизненно необходимого крепкого кофе.

Скривившись, понимаю, что придётся выбираться на улицу. Кофейня и магаз находятся на первом этаже в соседнем подъезде, но это как минимум четыре пересечения с людьми и необходимость обмениваться короткими фразами, на которые сейчас у меня нет ни сил, ни желания.

Делать нечего, поэтому быстро переодеваюсь в любимый чёрный спортивный костюм и тяжело вздохнув, выхожу из квартиры. И, видимо, именно сегодня Вселенная решает, что я живу слишком изолировано от общества, поэтому отправляет мне навстречу десяток соседей, с которыми приходится ехать в лифте и перебрасываться пустыми словами. Потом толпу в кофейне, словно никому сегодня не надо на работу. Затем очередь в маркете, где ко мне пытается подкатить какая-то губастая милфа. А добивает всю эту дебильную вылазку новенькая консьержка, которая прицепилась ко мне с вопросами про Адиля.

Кое-как отделавшись от неё, наконец-то поднимаюсь в свою берлогу, которая после таких вылазок мне нравится ещё больше. Ведь тут я один. Сам себе хозяин и никто мне не указ.

Так я думаю ровно до звонка отца.

Всё как обычно сухо, даже без приветствия, строго по делу. Необходимо сегодня закрыть важную сделку, выиграв новый тендер, с которым его отделы не справляются. Поэтому всё благополучно скидывают на меня, ведь «Рустам разберётся быстрее». И отцу, конечно же, наплевать на мои биоритмы — тендер не ждёт, конкуренты не дремлют, а я единственный, кто может провернуть это быстро и без лишнего шума.

Вздыхаю и сажусь за комп, изучая всю информацию. И сразу понимаю, что это будет непростая работёнка на часик-два. С этим мне придётся провозиться до самого вечера, а время уже десять. Через пару часов меня начнёт клонить в сон так сильно, что даже энергетик не поможет. Осознаю, что выспаться мне сегодня не суждено, но выбора нет, поэтому запиваю горькие мысли таким же кофе и приступаю к работе.

Работаю над этим тендером весь день, потому что всё усложняют конкуренты, которые вцепились в него с неменьшим энтузиазмом, чем я. Солнце уже клонится к закату, а это значит — скоро вечер. А там — ночь. А ночь — не для сна. Ночь для работы, для графиков, для переводов, для тишины, в которой можно думать. Ночь для меня.

Сделку успешно закрываю где-то к семи вечера, поэтому моих сил хватает только на то, чтобы дойти до дивана. Падаю лицом в подушку и мгновенно вырубаюсь, даже не ставя будильник, потому что организм привык. За столько лет он уже знает: спи до наступления ночи, пока есть возможность.

Но сегодня всё идёт не по плану. Поэтому подскакиваю от того, что моё лицо окатывают ледяной водой. Яркой, отрезвляющей, такой, что воздух перехватывает в лёгких. Кашляю, просыпаясь на ходу, ещё не понимая, где нахожусь и кто это сделал.

Впрочем, кого я обманываю. Прекрасно знаю, кто.

— Ты чокнулся?! — выдаю хриплым и злым голосом.

Адиль стоит в шаге от дивана. С пустым стаканом. И с таким видом, будто только что совершил акт величайшей доброты.

— Поднимайся, у нас дела, — роняет брат спокойно. — И оденься по-человечески, а не так, будто тебя только с урока физкультуры отпустили.

Морщусь не от его слов, а от того, что волосы прилипли ко лбу, вода течёт по шее, футболка теперь насквозь промокшая и противно липнет к телу. А на диване теперь можно разводить рыбок.

Поднимаю на него всё ещё сонные глаза. Брат в рубашке и брюках, при полном параде. Уставший, но собранный. Бросаю взгляд на наручные часы, которые Адя подарил на моё совершеннолетие и хмурюсь.

— Что за важные дела могут быть в это время суток? — недовольно трясу головой, чтобы вода летела во все стороны. Особенно в ту, где стоит Адиль. Хотя он ещё в детстве перестал реагировать на подобные выходки. Но не могу отказать себе в этой маленькой и глупой мести.

— Ты ведь знаешь, что я тебя могу дернуть лишь в одно место, — ухмыляется он. — Давай, шевели булками.

— Слушай, — тяну мрачно, продолжая отряхиваться. — Я сегодня уже выходил из дома. За энергетиком. Даже поздоровался с консьержкой, которая какого-то хера спрашивала, как у тебя дела. Я выполнил норму пребывания в социуме на этой неделе.

— Рустам, — уже более устало добавляет брат. — Последнее, чего я сейчас хочу — включать логику и приводить доводы, почему тебе надо поехать. Просто. Встань. И оденься. Мы и без того опаздываем. Обещаю, ты не пожалеешь.

Вздыхаю и усиленно тру влажное лицо, пытаясь прогнать остатки сна. Если Адиль дошёл до обещания, значит там и правда что-то важное. Потому что чем-чем, а подобными фразами брат не раскидывает направо и налево.

— Время сгонять в душ есть? — бормочу, зевая в кулак. — Или фейс-контроль пропустит и такое дерьмо?

— Те пингвины пропустят кого угодно, если им накинуть на лапу, — тянет он довольно. — Но я бы на твоём месте в душ всё же сходил.

Он слишком доволен. Это бесит и настораживает одновременно.

— Кад и Дым тоже будут? — с интересом уточняю, так как давно не пересекался с друзьями. Что в целом не удивительно с моим образом жизни.

— Эти двое такое не пропускают, — кивает брат и падает в кресло, показывая, что никуда не уйдёт, пока я не буду готов.

Иду в душ и сразу врубаю холодную воду, чтобы оживить и без того охуевший от этого дня организм. Смываю с себя липкий сон и остатки той воды, которой меня окатил Адиль. Потом в спальню. Костюм выбираю чёрный, это вообще цвет моей ауры, а рубашку для разнообразия натягиваю белую. Адиль намекнул, что мы едем в «Лик». Значит, я должен выглядеть так, будто у меня есть дела поважнее, чем спать на диване.

Через двадцать минут выхожу в гостиную. Волосы ещё мокрые, но это уже неважно.

— Поехали? — спрашивает Адиль, поднимаясь и убирая телефон.

— Мне кажется, я всё равно похож на зомби, — усмехаюсь нервно. — Зомби в элегантном костюме.

— Тебе не кажется, — похлопывает он меня по плечу, толкая к выходу. — Но теперь тебе хотя бы могут дать не из жалости.

— Я тебе уже говорил, что ты козёл? — бросаю беззлобно, с улыбкой на лице.

— Каждый день, вместо «доброго утра», — таким же тоном отвечает Адиль.

В лифте пытаюсь вытянуть из него хоть что-то. Ноль реакции. Брат смотрит в телефон, делает вид, что занят. Но я-то вижу — он доволен. Как кошка, которая притащила мышь на порог и ждёт, когда хозяин оценит.

В машине нас уже ждёт Сева.

— Доброй ночи, Рустам Тимурович, — говорит он в зеркало заднего вида.

— Она была бы доброй, если бы меня не вытащили из квартиры, — бросаю с лёгким раздражением. — Так что просто привет, Сева.

Он улыбается и в этой улыбке считываю всё. Водитель брата тоже знает, зачем мы едем в клуб. Все знают, кроме меня.

Закрываю глаза, но не потому, что хочу спать — этот сон уже перебит ледяной водой. Просто не хочу видеть эту странную ухмылку брата всю дорогу.

Адиль точно что-то для меня сегодня устроит.

И мне, кажется, это не понравится. Или же... понравится слишком сильно.

С ним никогда не угадаешь.

Глава 3. Травма в подарок

Рустам

Чувствую, как притормаживает машина и понимаю, что мы уже подъезжаем к роскошному загородному клубу «Лик».

Я уже бывал тут несколько раз. Кад однажды затащил нас всех сюда с восхищёнными речами об эксклюзивности этого места и происходящего здесь. Но каждый раз я сижу с бокалом виски, который даже не пью, а просто делаю вид, что мне интересно.

Мне нравится компания Дыма и Када, наверное, это единственные люди, которые меня не бесят своим существованием. После Адиля, конечно же. Просто я до сих пор не понимаю, почему нельзя собираться у кого-нибудь на квартире. Желательно у меня. Но каждый раз, когда озвучиваю эту мысль, друзья начинают стебаться надо мной.

Поэтому угрюмо вздохнув, наверное, уже в сотый раз за этот бесконечный день, выбираюсь из автомобиля, вслед за братом. Даже не знаю, что именно должен выкинуть Адиль, чтобы эта поездка перестала мне казаться бессмысленно потраченным временем.

На входе брат получает две таблички с номерами и две маски. Одну — себе, другую, тёмно-синюю, суёт мне.

— Наденешь, когда будет надо.

— Ты привёл меня на детский утренник? — скептически кручу маску в руках.

— Не припомню, чтобы в нашем детстве были такие утренники, — посмеивается он. — Или я чего-то не знаю?

— Я смотрю много фильмов и сериалов, — усмехаюсь, рассматривая маску. — Особенно сильно люблю хорроры.

— Да-да, я в курсе, — хмыкает Адиль, наклоняется и добавляет тише: — А мог бы с бабами вживую знакомиться, а не дрочить на них в телек.

— Прямо в этой маске? — смеюсь, представляя лица девушек, которые удостоились бы такого треша. — Это точно сюжет из ужастика про одержимого сталкера.

— Завтра расскажешь, — бросает он, и этой простой фразой опять поднимает во мне волну из подозрения и настороженности. Отгоняю её прочь и мы почти синхронно двигаемся внутрь.

Кад и Дым уже сидят за столиком прямо возле огромной сцены. Када узнаю сразу же по яркой рыжей макушке. Дым привычно по-королевски развалился в кресле с бокалом.

— Сорри за опоздание, — говорит Адиль, укладывая маску на стол. — Думал, придется труповозку вызывать.

— Я вышел из дома, — закатываю глаза, устало потирая переносицу. — Это уже ебать какой подвиг. Кто вообще придумал эти «мужские посиделки» в одиннадцать вечера? Нормальные люди в это время дома сидят и сериальчики смотрят.

— Люди, Руся, — усмехается Адиль. — Ты бы о таком знал, если бы перестал ночами надрачивать в экран компа.

— От моей, как ты выразился, дрочки хотя бы бабки капают на криптокошелёк, — парирую с ухмылкой.

— Переведёшь или наличкой отдашь? — спрашивает Дым у Када, довольно улыбаясь.

— Я тебе должен буду. Завтра переведу, — вздыхает Кад.

Перевожу взгляд с одного на другого. Друзья, очевидно, замутили спор на нас. Но этому факту даже не удивляюсь. Они оба слишком азартны, чтобы упускать любую возможность показать «кто тут круче».

— Что сегодня в нашей «увлекательной» программе? — небрежно бросаю маску на стол и откидываюсь на спинку кресла.

— Всё, что не в пикселях, — не унимается Адиль. Но и к этому я уже давно привык. Это наша обычная манера общения.

— Говорят, изыски выставлять начнут, мол такого еще не видали! — цокает Кад. И я уже вижу в каком он сильном предвкушении, несмотря на его попытки держать лицо.

— Ебать гурманы собрались, — насмешливо фыркает Адиль. — Лично мы тут только потому, что у меня есть сюрприз.

Сюрприз.

Это слово звучит слишком тревожно для моей налаженной и расписанной по минутам жизни. Потому что сюрпризы брата всегда ведут к переменам. Но успокаиваю себя тем, что чаще всего его подарки оказываются как нельзя кстати. Как это было с покупкой квартир — чуть ли не в соседних домах.

— А вы вообще что-нибудь слышали про доставку? — уточняю, не сдержавшись. — Нет?

— Предпочитаю время проводить в обществе, а не с простынкой мусолить писюн, — хмыкает Кад. А я понимаю, что своим вопросом случайно открываю портал в персональный ад.

— Это камень в сторону Руса? — смеётся Дым.

— Естественно, — сразу же подхватывает Адиль. — Только у него на дом и еда, и бабы.

— И это охуеть как удобно! Всем советую, — беру бокал с виски и поднимаю, приглашая остальных наконец выпить и заткнуться.

Друзья и брат подхватывают. Пьём. Виски горчит, несмотря на его дороговизну. Но я пью не потому, что должно быть вкусно. Я пью, чтобы перестать думать.

В тот же миг гаснет свет, зажигаются софиты на сцене. Все в зале синхронно надевают маски. Цепляю свою — она пахнет пластиком и каким-то сладким моющим средством. На сцену выходит ведущий во фраке и белой маске бурундука.

— Вечер добрый, дорогие гости... — начинает он воодушевлённо.

Но я его не слушаю. Просто смотрю в бокал. Потому что, если не смотреть в бокал, придётся смотреть на сцену, а там, судя по всему, будет что-то, для чего нам и нужны эти маски.

— А теперь, дамы и господа, внимание — лот № 1! Предмет, который выходит на сцену сегодня, не вписывается в привычные категории... Красные волосы — как сказочный алый цветок, взгляд — как вызов, аура — неповторимая...

Поднимаю глаза. Занавес медленно открывается.

На сцене стоит девушка. Красные волосы. Фиолетовое платье, открытое везде, где можно. Она слегка щурится от софитов. Кажется напуганной и растерянной.

Аукцион живых людей. В моей голове не укладывается. Это не прикол и не перформанс. Они продают девушек, и никто в зале даже бровью не ведёт.

Оглядываюсь на друзей. Кад и Дым — как два хищника перед броском. Напряжены, а глаза горят. Они вообще не удивлены. Кажется, для них это норма. Значит, были здесь раньше и скорее всего участвовали в подобных торгах.

Адиль же развалился на диване. Ему откровенно плевать. Он смотрит сквозь сцену, как будто здесь нет ничего, что стоило бы его внимания. И я понимаю — он вряд ли хоть раз покупал себе девушку. Не его стиль. На него и так вешаются. Зачем тратить деньги на то, что само падает в руки?

А значит, брат пришёл сюда не за этим. Он пришёл сюда ради своего «сюрприза». И это начинает меня пугать по-настоящему, учитывая, что происходит в зале.

— Почему вы не сказали, что тут планируется аукцион живых людей? — спрашиваю, поправляя маску. — Мы что, в восемнадцатом веке?

— Я же сказал, — равнодушно пожимает плечами Кад. — ИЗЫСКИ.

— Оживший сайт эскорт-услуг, — усмехаюсь, но не потому, что это забавно.

Внутри неприятно ноет. Это не похоже на привычный эскорт. Эскорт — это когда ты выбираешь. А здесь... здесь их продают. Как мясо.

Пока прокручиваю в голове разные варианты развития событий, Дым уже выкупает красноволосую и жмёт нам всем руки по очереди. Затем уходит довольный за своим призом. Задумчиво провожаю его взглядом и снова смотрю на Адиля. Он совершенно спокоен. Ему всё равно. А меня это почему-то напрягает ещё сильнее.

— О, смотрите, кто к нам пожаловал! — снова заводит ведущий. — Лот № 2 — и это не ваза, не картина, не бриллиант... Девушка с синими волосами — как вспышка в монотонной жизни...

— Он бы так не просил, — усмехаясь, оживает Адиль. — А то наш лучик сейчас на зов полетит.

— Да ему хоть ёлку поставь, он с ней попытается пофлиртовать, — роняю беззлобно.

Кад и правда падок на всё необычное и блестящее. Но за это мы его по-своему любим. Он всегда вносит яркие краски в наши серые монотонные будни.

— Суки, — тихо, но с улыбкой шипит на нас друг.

Открывается штора. Снова девушка. Синие волосы. Красное платье. Но выглядит на удивление уверенно и спокойно.

Кад тут же вступает в торги. Ведущий откровенно его разводит на слив бабок, но друг ведётся и показывает всё больше пальцев.

— Он щас ещё разуется и на ногах показывать начнёт, — говорит Адиль, наклоняясь ко мне. Но так, чтобы наш рыжий друг точно услышал его слова.

— Только бы член не выкатил, — не сдерживаю смешок.

— Я вас слышу, олухи! — шипит Кад с ядовитой улыбкой и показывает десять пальцев.

Адиль внезапно поднимает свою табличку, чтобы перебить ставку Када, а затем вступает с ним в шуточный спор.

— Адь, — наклоняюсь к брату с усмешкой. — У тебя поменялись вкусы на девушек? Или ты решил поиздеваться над нашим другом?

— Я не привык отдавать столько только ради необычной бабы, — отвечает он со смешком. — Конечно, мне захотелось его вздрочнуть.

— Отлично! — хлопает в ладоши Кад. — Этот лот мой, а твой следующий, и ставка в двадцать раз больше моей! Вот орну, если мамонт выйдет.

— Идёт, — кивает Адиль. — Только не следующая. Следующей будет мой сюрприз.

Снова напрягаюсь. Он произносит это слово в очередной раз за вечер. И улыбается так, будто знает что-то, что заставит меня офигеть.

Кад в итоге выигрывает свой лот. Занавес закрывается, а я вновь проваливаюсь в свои мысли, предчувствуя какой-то масштабный пиздец.

Ведущий что-то опять тараторит о лоте номер 3. После едкого комментария рыжего друга, скучающе перевожу взгляд на сцену.

Платиновая блондинка. Синее платье. Открытое, как у предыдущих.

И глаза. Васильковые. Они светятся знакомым манящим огнём даже на таком расстоянии.

Столько лет прошло, а меня прошибает, как и впервые, когда я её увидел.

Мир на несколько мгновений выключается. Нет зала. Нет ведущего. Нет никого. Есть только она. На сцене. Испуганная. Моя.

Сжимаю подлокотники кресла так сильно, что именно эта отрезвляющая боль и возвращает меня в реальность.

Не может быть...

Резко поворачиваюсь к брату. Он сидит, откинувшись в кресле, смотрит на сцену. И на его лице — довольное, наглое, сияющее выражение. То самое. Из детства. Когда мы подожгли машину соседа, потому что он слишком громко слушал музыку по ночам. Брат смотрел на огонь точно так же.

— Адиль, — шиплю, всё ещё находясь в состоянии глубокого шока. Потому что из всех возможных вариантов, которые я прокрутил за этот вечер в своей голове — этот был самым фантастическим. Настолько, что его даже не было в моём списке. — Что. Это. Такое?

— Сюрприз, — тянет он самодовольно. — Я же обещал тебе, что ты не пожалеешь, если поедешь сегодня со мной. Почувствуй себя живым, братец. Сегодня желания исполняются.

— Прошло семь лет, — шепчу ему в ухо. — Нихеровая у тебя память на мои подростковые травмы.

— А что шушукаемся-то? — театрально фыркает Кад. — Я тут зачем сижу?

Я не отвечаю. Потому что в этот момент понимаю — пока мы переговаривались, кто-то уже начал её выкупать. Адиль молниеносно поднимает табличку и перебивает ставку. Не потому, что хочет себе. Просто чтобы дать мне время.

— На сцене его несбыточная мечта, — хмыкает брат, опуская табличку. — А он таблом щёлкает.

— Я не щёлкаю, — заявляю растерянно. — Я в ахуе.

Поднимаю табличку и сильно увеличиваю ставку. Так, чтобы никто не захотел спорить. Потому что с нарастающим энтузиазмом начинаю осознавать — наконец-то есть способ получить право на то, чтобы быть рядом с ней. Пусть и не самое законное и адекватное. Я не знаю, что буду делать дальше со всей этой ситуацией, учитывая свой образ жизни. Но она должна стать моей. В этот раз точно.

Ребята переговариваются и наверняка подшучивают надо мной, но я почти не слышу их разговор, потому что меня накрывает такой горячей волной от предвкушения перед предстоящей встречей, что еле сдерживаюсь, чтобы не сбежать, как Дым.

— Охуеть сюрпризы у тебя, Адь, — выталкиваю слова, когда немного успокаиваю желание поскорее уйти отсюда. — С меня должок.

— Отдашь, если возьмёшь от этого сюрприза по полной, — отмахивается он.

И я понимаю, что ему и правда ничего от меня не нужно. Адиль, как всегда, сделал это просто, чтобы меня порадовать.

— Полтора миллиона раз, — бубнит ведущий. — Полтора миллиона два. Полтора миллиона три. Лот уходит номеру 22.

Моему номеру.

Занавес закрывается, и она исчезает. Всё ещё смотрю на закрытую штору. Я её купил. Школьную любовь — купил на аукционе живых людей. В двадцать первом веке.

Охренеть.

— Лот номер четыре, — снова заводит свою шарманку ведущий. — Начальная ставка — пятьдесят тысяч.

Штора открывается. Я ещё не отошёл от своей покупки, как Адиль сразу поднимает табличку на максимальную ставку. Даже не глядя на сцену. А ведь там миниатюрная брюнетка, испуганная до дрожи. Розовое платье, по фасону, как у предыдущих девушек. Она трясётся. Ей явно страшно. И Адиль только что выложил за неё сорок миллионов…

— Ты ебанулся, Адь? — хватаю брата за рукав. — Я, конечно, как твой личный бухгалтер, в курсе, что у тебя на кошельке дохера баксов, но отдавать такую сумму за какую-то девчонку — даже не смешно. Нафига она тебе?

— Ну, зато теперь ни у кого не останется сомнений, — косится он на Када с улыбкой. — Да, золотой наш?

— Да ты ж мой хороший, — блаженно вздыхает Кад. — Мне аж на душе так небесно стало, аж порхнуть захотелось! Счастье-то какое! Сомнений нет! Ты у нас богаче, краше и, конечно, ярче! Молодец, Адиль! Хочешь, горло тебе пожму?

— Кад, ты же его чисто на «слабо» взял и продолжаешь пиздеть, — закатываю глаза. — «Слабо» тебе, Аркадий, промолчать иногда?

— А он просто ещё не понял, что эта дева поедет к нему, — усмехается Адиль с издёвкой.

Кад резко смахивает улыбку с лица.

— Ну сейчас, ага! Чего чушь мне тут раскидываешь?

— А что такого? — пожимает плечами Адиль. — Не найдёшь применение двум девам? Или ты настолько привык сам себя любить, что и на одну может не хватить?

Откидываюсь в кресле и начинаю ржать над этим цирком.

— Слушайте, а можно я просто посмотрю? Это лучше любого сериала. Два дурака и сорок миллионов за девушку, которую никто из вас не хочет.

— Всегда хватало! — цокает Кад. — Но мне одну было сегодня надо! Харизма не позволит мышонка приютить.

— Ну это всё здорово, конечно, — раздражённо хмыкает Адиль. — Может, вам третью надо?

— Не, — качаю головой, отказываясь от очередного подарка. — Я однолюб. Точнее, одноёб.

— Дурака не валяй, — вздыхает Кад. — Бабок отгрохал столько, так поимей хоть чуток. Чего с тебя будет?

— Не привык платить женщинам за секс, — фыркает Адиль. — Они бесплатно неплохо справляются.

— Ощущения другие при таких-то обстоятельствах, сладкий ты мой! — подмигивает Кад. — Ты за неё бабло, а она тебе ночь эмоций неподдельных и драйва целую тележку, да вагон!

— О да, — криво усмехается Адиль. — Я прям вижу, как имею свой банковский счёт и улыбаюсь.

Он встаёт и поправляет пиджак.

— Ладно, разберусь. Наверное, — говорит брат. — Зато можно будет клининг не вызывать.

— Купи ей хотя бы униформу горничной в секс-шопе, — ржу над братом, предвкушая серию приколов, которые смогу провернуть, чтобы ему тоже было не скучно. — Так хоть досуг свой разнообразишь. И может, потянет пару раз её нагнуть.

— Я отключу у тебя порно-каналы, — включает Адиль режим «мамки». — Ты едешь?

— Конечно! — резво встаю следом. — Мне не терпится поскорее «вспомнить» школьные годы с синеглазкой.

Глава 4. Лот №3

Рустам

Мы идём к выходу из зала.

Смотрю на брата — он шагает впереди. Широкий, уверенный, несгибаемый.

Размышляю, каких усилий ему стоило найти мою первую любовь. Притащить её каким-то образом на этот аукцион. Потратить хрен знает сколько времени, денег и нервов. А всё ради чего? Чтобы вытащить меня из этого бесконечного одиночества, в котором я живу уже который год.

Не говорю спасибо вслух. Он и так знает, как я ему благодарен за всё, что он для меня делает. Адиль вообще всё про меня знает. Даже то, что я прячу сам от себя.

С меня должок, и я его отдам. Потому что ради брата тоже готов на многое. А сейчас просто иду за ним. Как в детстве. Как всю жизнь вплоть до этой секунды.

— Ваши дамы уже ждут, — сообщает администратор, когда мы подходим к закрытой зоне в конце длинного коридора.

Он протягивает нам две одинаковые папки из чёрной кожи. Беру свою, машинально пробегаю пальцами по обложке. На каждой — номер лота. На моей — 22. На папке Адиля — 66.

— Вам сюда, — мужчина указывает на двери. — Комнаты оборудованы всем необходимым. Если потребуется помощь — кнопка вызова на панели.

Адиль молча кивает, уже открывая свою папку. Мельком смотрит на первый лист, хмыкает и закрывает.

— Сева пригнал твою тачку, — говорит он, роняя мне на ладонь ключи. — Не гоняй.

— Кто бы говорил, — усмехаюсь, закидывая ключи в карман брюк. — После твоих «аккуратных» поездок у меня невроз.

— У тебя он всегда был, — парирует брат.

— Потому что ты меня воспитывал, — не уступаю я.

Адиль пристально смотрит на меня, но молчит. Обычно это означает, что возразить ему нечего, но признавать мою правоту он не будет.

— Давай, — похлопываю брата по плечу, кивая в сторону его двери. — Иди успокаивай свою дрожащую лань. И будь поласковей, а то не все такие терпеливые и понимающие, как я.

Адиль странно косится в мою сторону. И на секунду мне начинает казаться, что он сейчас меня далеко пошлёт. Но не посылает.

— Звякни завтра, — коротко бросает брат.

— А если не смогу?

— Тогда я сам звякну. В морг, — отвечает он с таким серьёзным лицом, что я не сразу понимаю — шутит он или нет.

— Обнадеживающе, — нервно улыбаюсь, провожая взглядом брата.

Остаюсь в коридоре один. Не спешу заходить в комнату к синеглазке. Вместо этого отхожу к стене, прислоняюсь плечом, и открываю папку.

Уже много лет живу по принципу: кто владеет информацией, тот владеет миром. И, прежде чем войти в комнату к Злате, хочу знать, с кем имею дело. Семь лет — большой срок. Люди меняются.

Пролистываю первое попавшееся.

Имя: Лазарева Злата Дмитриевна. Год рождения: 17.08.2001. Рост, вес, цвет волос, глаз — это всё не то. Дальше идёт стандартная анкета — хобби, образование, предпочтения.

Но меня интересует другое. Внизу — мелким шрифтом, будто специально прячут от посторонних глаз — юридическая справка. Долговые обязательства.

Перечитываю цифры. Сначала не верю. Потом перечитываю ещё раз.

Глаза чуть ли не лезут на лоб.

Такого быть не может. Отлично помню, что Злата была из очень состоятельной семьи. Отец — крупный бизнесмен, мать — из знатного старинного рода. Мы с детства жили в соседних домах, и их особняк был даже круче нашего. Вернее, так: наш был больше, но их — дороже. Лазаревы никогда не бедствовали.

А тут… долги. На суммы, которые даже для меня выглядят неприлично. И всё это ей оставил в наследство её непутёвый папаша.

Смотрю на даты. Долги потянулись как раз после смерти отца Златы. Значит, старик умудрился просрать всё состояние, оставив дочери горы обязательств. Картинка складывается более-менее понятная. Но всё равно удивляет, что выбраться из этого пиздеца Злата решила именно таким способом.

Такая гордая. Такая независимая. Была.

Сильно ли она изменилась с тех пор?

Закрываю папку, когда слышу шаги. Ко мне подходит один из работников клуба — в чёрном костюме, с наушником в ухе, лицо кирпичом.

— Уважаемый гость, — говорит он почтительно. — Всё ли в порядке? Будете забирать свой лот?

Кривлюсь от этого слова. «Лот». Слишком безразлично. Слишком неодушевлённо для Златы. Для той девушки, которая сумела так сильно въесться в память.

— Выведите её на парковку, — бросаю мужчине. — Я подожду там.

Он покорно кивает, без лишних вопросов. Хорошие ребята здесь работают — знают, что лучше не переспрашивать.

Выхожу на улицу. Ночной воздух холодный и влажный, но не противный. Освещение парковки — мягкое и дорогое. Моя машина стоит ближе к выходу.

Облокачиваюсь на тачку и открываю телефон. Пока жду, есть время. Захожу в круглосуточный онлайн-магазин. Тот самый, где можно заказать всё — от продуктов до бриллиантов. Листаю категорию «Женская одежда для дома».

Честно говоря, не понимаю, зачем это делаю. Вдруг вместе с ней выдают ещё и чемодан вещей? На аукционах такое практикуется? Я ведь даже не в курсе. Но с другой стороны — лишним не будет. А вот если не заказать, то Злата вообще останется в этом платье. Слишком открытом. Слишком кричащем: «Трахни меня поскорее».

Накидываю в корзину пару хлопковых и спортивных комплектов. Без кружев — не люблю всё это. Простые и мягкие, чтобы лежать и спать. Или не спать...

Потом смотрю в ночное небо и понимаю — какой, нахер, сон? Впереди же вся ночь.

Оформляю заказ с доставкой на мой адрес. К нашему приезду как раз привезут.

Поднимаю голову от телефона, потому что слышу тяжёлые шаги. Двое, а то и трое. И один более лёгкий — цокает каблуками по асфальту.

Злату ведут под руки два амбала. Она в том же откровенном синем платье. Волосы чуть растрёпаны. На глазах — чёрная маска для сна.

Картинка так себе. Если честно — мерзкая. Она выглядит так, будто её только что украли. Хотя, по сути, так и есть.

Подхожу ближе и жестом отгоняю амбалов — молча, только кивок в сторону клуба. Они понимают и отступают, растворяясь в тенях.

Злата ещё не знает, кто её таинственный покупатель. Стоит, чуть сжавшись, дышит неровно. Смотрю на неё. Семь лет прошло, а я всё ещё помню каждую деталь. Даже запах, на удивление не изменился. Всё те же сладкие восточные духи с ноткой корицы и мёда.

Касаюсь её рук. Они ледяные — то ли от холода, то ли от страха. Она вздрагивает и сжимается так, будто готовится к удару.

Медленно провожу пальцами снизу вверх — по её рукам, плечам, шее. Кожа гладкая, под пальцами бьётся пульс. Часто. Испуганно.

Злата не двигается. Только дышит всё чаще.

Подбираюсь к повязке на глазах. Можно было, конечно, сначала привезти её домой, а уже там устроить сюрприз. Снять маску в тишине, при свечах, под винишко. Красиво и драматично.

Но зачем откладывать то, чего я, сам того не осознавая, ждал семь лет?

Стягиваю повязку.

Она жмурится. Свет парковки, видимо, слишком яркий после темноты. Моргает, привыкает. Потом её взгляд становится более сосредоточенным.

Сначала в её глазах — пустота и непонимание. Потом — растерянность. Она всматривается в моё лицо и щурится. Затем — подозрение. Кажется, Злата не уверена. Переводит взгляд с моих глаз на губы, потом снова на глаза. Наверное, сравнивает с тем, что хранится в памяти.

И только потом в её глазах вспыхивает чёткое осознание.

Я еле сдерживаюсь, чтобы торжествующе не улыбнуться. Но торможу себя. Рано. Пусть сначала переварит и примет новую реальность.

— Рустам?.. — шепчет растерянно.

Первый раз за семь лет слышу её голос. Не в записи, не в воспоминаниях — вживую. Он почти не изменился. Но сейчас в нём столько всего — неверие, страх, надежда. Но больше всего — напряжение. Как у дикого зверька, который не понял, капкан перед ним или спасение.

Молчу несколько секунд. Просто смотрю на неё. Вспоминаю наш последний разговор перед выпускным. Её колючие, насмешливые слова. То, как она выкинула меня из своей жизни.

О да. Я всё ещё это помню. И до сих пор хочу спросить — почему?

— Садись в машину, Злата, — говорю спокойно и тихо. Хотя внутри всё кипит.

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

— Ты… — замолкает и нервно сглатывает. — Ты меня купил?

— Купил, — киваю, не отводя взгляда.

— Зачем?

— Поговорим в машине, — говорю, открывая дверь.

Но она не двигается. Стоит, переводит взгляд с меня на салон, потом обратно.

— Я не сяду.

— Сядешь, — говорю уверенно, шагнув к ней. Не сдержавшись, поднимаю руку и скольжу пальцем по её подбородку. — Хочешь не хочешь — условия аукциона обязывают.

Злата бледнеет, но я вижу, как в её глазах загорается что-то знакомое — строптивость. Та самая, из-за которой я когда-то в неё и влюбился.

— Ты не имеешь права, — отталкивает она мою руку и, наверняка, уже готовится к длинной речи о правах несчастных девушек, проданных на аукционе, но я перебиваю.

— Садись, — прошу устало. Потому что сил на долгие разговоры, после такого напряжённого дня, у меня просто нет. — У тебя нет выбора, Злата. Ты — моя на три месяца. Делай, что скажу. А я говорю: садись в машину.

— Ты вообще не такой, каким был, — бросает она тихо.

— Время меняет, — равнодушно пожимаю плечами. — Жизнь меняет. Как и долги, например.

Её глаза испуганно расширяются.

— Ты знаешь?..

— Я много чего знаю, — грустно усмехаюсь. — Так что теперь разбираться будем вместе.

Злата смотрит на меня долго и злобно. За это время успеваю подумать, что ничего не выйдет. Она сейчас развернётся и просто уйдёт. Наорёт на охранников, на меня, на весь этот чёртов клуб. Но она не уходит.

Только закусывает губу. И я отчётливо вижу, как она борется с собой. Как хочет послать меня куда подальше, но понимает, что не может. Поэтому медленно, будто каждое движение даётся с трудом, Злата всё-таки садится в машину.

Закрываю дверь, обхожу с другой стороны, усаживаясь за руль. Завожу двигатель.

Она смотрит в окно, поджав губы. А я смотрю на дорогу.

В салоне тихо. Только шум колёс и её сбитое дыхание.

И это, наверное, самое красноречивое, что было между нами за семь лет.

Глава 5. В моих руках

Рустам

Мы едем в полном молчании.

Эта тишина между нами говорит громче любых слов — она пахнет обидой, недоверием и сомнением.

Проявляю охуеть какую выдержку, и даже не поворачиваю голову в её сторону, потому что если посмотрю на неё — точно сорвусь. Начну задавать вопросы, на которые Злата, скорее всего, не захочет отвечать. Или отвечать придётся мне, а я не готов вытаскивать наружу всё то, что копилось семь лет.

Семь гребаных лет не мог выкинуть её из головы, из снов, из тех дурацких воспоминаний, которые всплывают в три часа ночи, когда ты уже почти забыл, как пахнут её волосы, а потом понимаешь — нет, не забыл.

Нихрена ты не забыл.

Но я пытался. Столько раз пытался сделать это. Работа, деньги, другие девушки, которые должны были стереть её образ, но только сильнее напоминали о Злате отсутствием того самого — запаха корицы и мёда, необычного оттенка глаз, смеси строптивости и нежности, которую я больше ни в ком не нашёл.

За всеми этими мыслями незаметно доезжаем до дома. Паркуюсь в подземном паркинге на своём месте, у самого лифта, и глушу двигатель.

Выхожу первым. Но не потому, что так положено по этикету, а потому что, если останусь сидеть ещё на секунду — не выдержу этого напряжения. Обхожу машину, открываю дверь со стороны Златы и протягиваю руку — а ведь я никогда не был джентльменом, чёрт возьми.

Она смотрит на мою ладонь несколько секунд и в итоге игнорирует.

Резко и независимо вылезает, даже не взглянув на меня, будто хочет показать, что ни в чьей помощи не нуждается. Но вдруг её каблук цепляется за высокий порог, Злату бросает вперёд, а я даже подумать не успеваю. Чисто на рефлексах жёстко хватаю её за талию, притягивая к себе. И это даже не помощь получается, а какой-то дикий, собственнический жест, будто не ловлю её, а забираю себе.

Злата врезается в меня всем телом, и сквозь тонкую ткань этого дурацкого откровенного платья чувствую абсолютно всё. Особенно сильно ощущается бешенный ритм её сердца, и то, как моё собственное, отзывается на каждый удар. Будто мы до сих пор связаны чем-то, что я так и не смог разорвать за все эти годы.

И, кажется, она тоже это чувствует, потому что на секунду её глаза мило округляются, и в них пропадает вся эта колючая защита, за которой она прячется весь вечер. Нет ни маски, ни брони, ни этой глупой независимости — просто удивление, настоящее узнавание и что-то тёплое, и знакомое, от чего меня отбрасывает мыслями назад.

Потому что я видел этот взгляд раньше. Семь лет назад. В другой жизни. В другой версии нас.

Мы оба зависаем и, кажется, даже не дышим. Злата не отстраняется, и я тоже не спешу отпускать.

Может я совсем дебил, но мне начинает казаться, что в её глазах мелькает воспоминание о том, кем мы были друг для друга до того, как всё пошло под откос. Она приоткрывает свои пухлые губки словно сейчас скажет что-то действительно важное, что-то, что объяснит всё — её исчезновение, эти семь лет молчания, почему она была на том дурацком аукционе.

Но она ничего не говорит.

А значит я должен что-то сделать. Отпустить или сказать что-то. Отойти, в конце концов, потому что если мы продолжим стоять в этой внезапной близости — я не ручаюсь за себя.

Столько лет без неё сделали меня голодным, и не только в том смысле, который Злата, наверное, сейчас предполагает. Я голоден по её голосу и смеху, по тому, как она щурится, когда врёт, и как молчит, когда боится.

По ней. Всей. Настоящей.

С трудом заставляю себя поступить правильно. Какого-то чёрта врубаю хорошего парня. Но на секунду позволяю себе маленькую слабость и сжимаю пальцы на её талии сильнее, только потом, с огромным трудом заставляю себя разжать руки.

Злата тоже приходит в себя — резко, будто очнулась от гипноза. Забавно хмурится, и в этом взгляде снова вижу ту самую строптивую девчонку, которая когда-то разбила мне сердце, даже не объяснив почему. Упирается ладонями мне в грудь и отталкивается. Отступает на шаг и быстро поправляет платье — одёргивает вниз, хотя там и прикрывать-то особо нечего, лоскуты ткани всё равно предательски облегают каждую чёртову деталь её фигуры.

Она больше не смотрит на меня. Просто разворачивается и идёт к лифтам. Спина прямая, шаг твёрдый, будто ничего не случилось.

Закрываю дверь машины, блокирую тачку и смотрю ей вслед. Внутри всё горит — смесь злости на неё, на себя, на эти семь лет, и какого-то дикого, первобытного желания догнать, развернуть и спросить: «Ты помнишь? Помнишь хоть что-нибудь?».

Догоняю её в несколько шагов, на ходу стягивая пиджак. Она уже жмёт кнопку вызова лифта, когда оказываюсь рядом. Не спрашиваю разрешения, просто накидываю пиджак ей на плечи, почти обнимая её этим движением, и на секунду мои руки снова смыкаются вокруг неё, и я чувствую, как она вздрагивает под моим прикосновением.

Опускаю ладони на её плечи, придерживая ткань, наклоняюсь к самому уху — так близко, что вижу, как пульсирует венка у неё на шее.

— Не хочу, чтобы кто-то пялился на тебя, — говорю тихо, почти шёпотом.

Злата не отвечает, но и не скидывает пиджак. Что, как по мне, уже охренеть какой прогресс. Хотя с ней никогда не угадаешь.

Лифт приезжает, и она заходит первой, я за ней. Двери закрываются, и мы остаёмся вдвоём в этой железной коробке. Смотрю на её отражение в зеркальных дверях и замечаю, как Злата прячет лицо в воротник.

Нюхает? Или просто греется? А может прячет выражение лица, которое может выдать её с головой?

Лифт останавливается и Злата выходит первой, да ещё так уверенно, словно мы приехали к ней домой, а не наоборот. Иду следом за ней, не спеша, потому что знаю — бежать ей некуда.

На пороге стоит большой пакет — тот самый, из магазина, где заказал вещи, пока ждал её на парковке клуба. И хорошо, что додумался, потому что, как я и предполагал, никто не позаботился выдать ей чемодан с одеждой к этому откровенному синему платью.

Заходим в квартиру, закрываю дверь и слышу, как замок громко щёлкает, отрезая нас от всего мира.

Теперь только мы. Только она и я. И семь лет тишины, которую кому-то придётся нарушить.

Злата останавливается в гостиной и с интересом оглядывается. Вся такая грациозная и плавная. Напоминает мне кошку, которую хозяин первой пустил в дом. Она медленно поворачивается ко мне, и в её глазах всё-таки мелькает растерянность, смешанная с каким-то страхом, который она отчаянно пытается спрятать, но у неё плохо получается.

— И что дальше? — спрашивает тихо, почти шёпотом, в её голосе только усталость и непонимание, как мы оба оказались в такой ситуации.

А потом, даже не дав мне ответить, Злата добавляет:

— Ты... ты же не будешь меня... ну... — она замолкает, и я вижу, как тяжело ей подобрать слова. — Насиловать?..

Это мерзкое слово сильно режет слух. И только добавляет злости на себя — что она вообще вынуждена это спрашивать. Злости на неё — что позволила себе оказаться в такой ситуации. А ещё волной накатывает жалость, которую я ненавижу в себе, потому что жалость — это точно не то, что я должен к ней чувствовать. Должна быть ненависть. За то, что бросила. За то, что исчезла. За то, что семь лет не давала покоя, полностью отсутствуя в моей жизни.

Но вместо ненависти чувствую только щемящее желание обнять её и сказать, что всё будет хорошо. Даже если это будет ложью. Но сейчас не время для этого. Я не знаю кто она теперь и сколько осталось от той Златы. Нужно изучить её, и только потом действовать, исходя из полученной информации.

Подхожу ближе, Злата не отступает, только поднимает глаза — в них настороженность и любопытство одновременно. Смесь, от которой у меня внутри всё закипает.

— Девушки, которые брыкаются — не мой тип, — говорю спокойно, почти лениво. — Обычно они сами приходят ко мне домой и раздеваются, пока я варю кофе.

Вижу, как её глаза на мгновение становятся больше, она выглядит растерянной, а потом она щурится, пытаясь понять — шучу я или нет.

— Так что, может, налью тебе чашечку? — добавляю с лёгкой усмешкой, играя роль легкомысленного повесы. — Или ты пока не в том настроении?

Злата молчит, что удивляет меня намного больше, чем если бы она сейчас послала меня куда подальше или влепила пощёчину. Это было бы вполне в её стиле.

— Не хочу кофе, — наконец выдаёт тихо. — Виски. Если у тебя есть. И не смотри на меня так.

— Как?

— Как будто я всё ещё твоя, — усмехается горько и отводит взгляд. — Я не твоя, Рустам. Ты меня просто купил. Это разные вещи.

— Для меня — нет.

Слова вырываются раньше, чем успеваю их проанализировать. Наверное, фраза прозвучала слишком двусмысленно. Но объяснять ей сейчас, что имею ввиду не хочу. А точнее не готов. Во мне борются слишком много противоположных эмоций, чтобы я мог адекватно выразить всё, что накопилось за столько лет.

— Иди переодевайся, — говорю уже мягче, протягивая Злате пакет и кивая в сторону ванной. — Виски будет ждать на кухне.

Она забирает пакет, специально так, чтобы не соприкасаться со мной. Затем разворачивается и уходит в ванную. Дверь закрывается, слышу щелчок замка. Злата всё же заперлась, но меня это не злит. Я ведь даже не в курсе, что происходило в её жизни столько лет. Мог легко всё пробить и узнать. Взломать её аккаунты и даже камеры. Но я же не долбанный сталкер. Просто парень, который пытается как-то жить дальше после очередного удара судьбы.

Прислоняюсь к стене, закрываю глаза и просто стою так несколько секунд, слушая, как льётся вода в ванной.

«Как будто я всё ещё твоя».

Злата не знает. Она правда не знает, что была моей все эти семь лет. Даже когда её не было рядом. Даже когда я пытался её возненавидеть. Даже когда встречал других — красивее, покладистее, удобнее.

Ни одна не смогла занять её место.

Иду на кухню, достаю виски — тот самый, который берегу для дней, когда хочется забыться. Ставлю на стойку два бокала. Но сегодня даже целой бутылки не хватит, чтобы заглушить то, что проснулось после того, как она попала в мои руки.

Делаю пару глотков и усмехаюсь своим мыслям.

Ну ты и устроил, Адиль.

Глава 6. Встреча с самим собой

Рустам

Виски стоит на стойке, два бокала поблёскивают в мягком свете кухонных ламп, и я смотрю на них, осознавая, что понятия не имею, о чём мы будем говорить, когда Злата выйдет из ванной.

Семь лет — это не два дня и не две недели, это огромная чёрная дыра, в которой у каждого из нас накопилось столько всего, что даже не знаешь, с чего начать.

С обиды? С вопроса «как дела»? С того, что я так и не смог её забыть, как бы ни старался?

Звук открывающейся двери заставляет меня выпрямиться и напрячься, хоть я и пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица — маску циничного пофигиста, которую отрабатывал годами. Но когда Злата появляется в проёме, маска со скоростью пули летит к чёрту.

Она в серых шортах — тех самых, которые я заказал не глядя, просто накидал в корзину первые попавшиеся домашние вещи, даже не думая о том, как они будут на ней сидеть. А сидят они, блять, так, что меня слишком сильно коротит от этого.

Короткие, облегающие её стройные бёдра, они открывают ровно столько, чтобы свести с ума — длинные загорелые ноги, по которым я когда-то водил пальцами, не в силах остановиться. Белая майка — простая, хлопковая, без рисунка, без кружев, без всей этой мишуры, на которой обычно помешаны девушки. Она мягко облегает её талию и упругую грудь, которую слишком отчётливо видно не только из-за глубокого выреза.

Злата без лифчика. Ну, конечно, блять. Я же его не заказал.

Но залипаю я на другом. Она собрала волосы в высокий хвост, открывая тем самым свою тонкую изящную шею. И мне приходится прокрутить в голове несколько сложных алгоритмов для шифрования, чтобы задвинуть куда подальше желание провести губами по шее, а потом слегка укусить её за нежную кожу. Как делал это раньше.

Злата подходит ближе и садится недалеко от меня за кухонный остров, и я ловлю себя на мысли, что это домашнее, простое, почти скучное одеяние заводит меня намного сильнее, чем то откровенное синее платье, в котором она была на аукционе. Потому что платье было маской — частью шоу, костюмом для продажи, чем-то чужим и навязанным. А эти шорты и майка — это она. Или, по крайней мере, отголосок той Златы, которую я знал.

Той, что просыпалась в моих объятиях после долгих ночных разговоров. Той, что пила кофе по утрам с тремя ложками сахара, а я дразнил её за это. Той, что смеялась над моими глупыми приколами. Той, что воровала и носила мои футболки вместо пижамы. Той Златы, которую я потерял семь лет назад и так и не нашёл — ни в других девушках, ни в работе, ни в этих бесконечных ночах без сна.

Интересно, жива ли ещё та Злата? Там, внутри этой новой, колючей, обросшей шипами девушки? Или она умерла вместе со всеми этими годами, которые нас разлучили?

Протягиваю ей бокал с виски — тот самый, что налил, пока ждал. Злата берёт его молча, не глядя мне в глаза, рассматривает янтарную жидкость внутри, будто ищет там ответы на вопросы, которые боится задать. А потом недолго думая закидывает в себя всю порцию за раз.

Я даже не успеваю предупредить, что виски не пьют так, если не привыкли, — особенно тот, который стоит на моей полке, а до этого выдерживался пятнадцать лет в дубовых бочках где-то в Шотландии.

Её прошибает сразу. Она сильно закашливается, так что плечи трясутся и на глазах выступают слёзы. Лицо кривится в гримасе, губы поджимаются, Злата зажимает рот ладонью, пытаясь сдержать вырывающийся приступ кашля, но у неё плохо получается.

Наблюдаю за этим с каким-то странным удовольствием, смешанным с беспокойством. Она такая живая сейчас. Не кукла с аукциона, не лот номер три, а просто девчонка, которая не умеет пить виски и выглядит чертовски мило, даже когда давится им.

— Ты бы ещё в нос себе залила, — комментирую сухо, но на губах предательски проступает усмешка. — Я тебе не водку налил.

— Мог бы и предупредить, — выдыхает Злата хрипло, вытирая слёзы уголком ладони. В её голосе слышится обида, но в глазах вижу лёгкое смущение. — Что за гадость вообще.

— Дорогая гадость, — поправляю её. — Пятнадцать лет выдержки.

— А вкус как у жидкости для розжига, — фыркает Злата, но беззлобно.

— Тебе что, только сладкие коктейли через трубочку заказывать? — подкалываю, подливая ей снова — на этот раз поменьше, чтобы не убилась окончательно. — С зонтиком и вишенкой?

Она бросает на меня недовольный взгляд — тот самый, из прошлого, который когда-то действовал на меня безотказно.

«Ты ничтожество и пуп земли одновременно», — говорит этот взгляд.

И я по нему скучал. Чёрт возьми, скучал даже по этому.

— А ты всё такой же, — цедит она, но без яда. Скорее с усталым принятием факта. — Язва, каких поискать.

— А ты всё такая же, — парирую, слегка улыбаясь и наслаждаясь даже этим перебрасыванием колючек. — Не умеешь пить, но делаешь вид, что твоя стихия — это дорогой алкоголь и ночные клубы.

Злата как-то слишком устало вздыхает и замолкает. Опять смотрит в бокал — тот, который я только что наполнил. Водит пальцем по краю, собирая капельки конденсата. Такая сосредоточенная и ушедшая в себя, наверное, тоже не знает как нам теперь общаться.

Смотрю на неё и не могу отвести взгляд.

Волосы ещё немного влажные, тёмные у корней от воды, но ближе к кончикам снова вспыхивают этим платиновым холодом, который светился на сцене. Они падают на плечи, путаются, и она машинально поправляет локон, который выбился из общей массы — закладывает его за ухо привычным, отточенным движением, даже не задумываясь.

А меня отбрасывает на семь лет назад.

Мы сидим в парке на скамейке, май, но на улице уже летняя жара, я купил нам мороженое — ей клубничное, себе шоколадное. Злата звонко смеётся, потому что я только что сказал какую-то глупость, а ветер треплет её волосы — тогда они были длиннее, почти до пояса, и она постоянно поправляла их точно таким же простым, но грациозным жестом.

Левая рука, локон за ухо, лёгкое движение головы, и она снова смотрит на меня этими своими васильковыми глазами — такими ясными и чистыми, что мне хочется провалиться в них с головой и никогда не возвращаться в эту реальность.

— Ты меня слушаешь вообще? — спросила она тогда, и я машинально кивнул, хотя на самом деле не слышал ни слова — просто любовался...

И сейчас я снова ничего не слышу, потому что залип на этом жесте — как она поправляет локон, как хмурится, глядя в бокал, как губы чуть приоткрыты, будто она хочет что-то сказать, но не решается.

Злата изменилась. Конечно, изменилась. Семь лет — это много. У неё новые морщинки в уголках глаз, новая линия губ — более жёсткая, более сжатая. У неё под глазами залегли тени — словно от недосыпа и постоянной тревоги. А в плечах появилась какая-то напряжённость человека, который ждёт подвоха.

И мне хочется спросить: «Злата, а где та девушка, которая смеялась, когда я кормил её мороженым? Где та, которая писала мне смс до трёх ночи просто потому, что не могла уснуть? Где та, которая сама и позвала меня когда-то на наше первое свидание?».

— Ты так и будешь на меня пялиться? — её голос вырывает меня из прошлого. В нём снова колючки и защита. Снова та самая стена, которую она выстраивает, чтобы я не подошёл слишком близко.

— А ты так и будешь пить виски, как компот? — отвечаю вопросом на вопрос, пряча боль за усмешкой.

— Не твоё дело, как я пью, — бормочет Злата, отводя взгляд.

— В этой квартире — моё, — напоминаю ей без злости, просто факт. — Как и всё остальное. Включая тебя. На ближайшие три месяца.

Злата резко поднимает на меня глаза — и в них снова этот огонь. Тот самый, который обещает не согреть, а спалить дотла. Но она ничего не говорит. Просто отводит взгляд и на этот раз делает осторожный глоток виски.

А я всё ещё, кажется, не до конца осознаю, что она и правда здесь. Она настоящая. И пахнет моим гелем для душа — не её запахом, и я ненавижу это, потому что хочу чувствовать корицу и мёд. Хочу, чтобы она пахла собой, а не тем средством, который купила клининговая компания.

— Злата, — зову тихо.

Она осторожно поднимает глаза.

— Расскажи мне что-нибудь.

Злата бледнеет. Мне кажется, что в её глазах мелькает боль. Настоящая, неподдельная, которую она не успевает спрятать за колючей маской.

Смотрю на неё и понимаю, что больше не могу делать вид, будто мы просто случайные знакомые, которые выпивают на кухне после неловкого свидания. Я должен знать. Должен понять, как эта гордая, независимая девушка, которая когда-то не позволяла никому указывать себе, что делать, всё-таки оказалась на сцене в этом шлюшьем наряде, выставленная на продажу, как товар в супермаркете.

Потому что Адиль не стал бы её тащить туда просто так, зная моё отношение к ней. Что-то произошло, очевидно связанное с долгами её отца, которые он ей оставил.

Вопрос крутится на языке, жжёт, требует выхода, и я не могу его больше сдерживать. Он вырывается наружу сам — хриплый, почти злой, потому что внутри закипает это дурацкое чувство беспомощности, которое я ненавижу больше всего на свете.

— Как именно ты оказалась на этом аукционе, Злата? — спрашиваю тихо, но в этом шёпоте — целый ураган из сдерживаемых эмоций. — Что вообще случилось?

Её пальцы, которые только что гладили край бокала, застывают на месте. Она смотрит на меня таким оскорблённым взглядом, будто только что получила от меня словесную пощёчину.

— Ты что, ещё и издеваешься надо мной?! — в её голосе столько боли и злости, что я буквально чувствую, как напряжение между нами стократно увеличивается, а воздух в комнате становится плотнее.

— О чём ты? — уточняю, хмурясь, и в моём голосе — искреннее недоумение, смешанное с тревогой. — Злата, правда не понимаю. Что я такого сказал?

Она смотрит на меня так, будто я разыгрываю перед ней спектакль, а она видит меня насквозь.

— Ты серьёзно? — выдыхает Злата, и в её голосе — обида. Глубокая, настоящая, от которой у меня внутри неприятно ноет. — Ты серьёзно сейчас спрашиваешь меня об этом?

— А что мне спрашивать? — уже начинаю злиться — не на неё, на себя, потому что чувствую, что упускаю что-то важное. — Я хочу знать, как ты оказалась в таком дерьме. Кто этот мудак, которому я должен навешать по полной программе?

Она горько усмехается и поднимается с барного стула, протягивая мне руку — ладонью вверх, будто приглашая.

— Вставай, — просит тихо. — Иди за мной.

Вообще не понимаю, что происходит. Но её глаза — эти васильковые льдинки, в которых сейчас нет ни капли прежней растерянности — не оставляют выбора.

Протягиваю руку и она смело хватает её — впервые за этот вечер не отталкивает, не убирает ладонь, а переплетает наши пальцы и ведёт за собой. Послушно иду, потому что в этой девушке есть что-то такое, чему я никогда не мог сопротивляться. Как тогда, семь лет назад, когда она вела меня за собой по школьному коридору и шептала: «Не волнуйся, я с тобой».

Злата останавливается в прихожей перед большим зеркалом в пол и включает свет — яркий и режущий глаза после полумрака кухни. Щурюсь, но она не даёт мне времени привыкнуть — разворачивает меня лицом к зеркалу, встаёт рядом и смотрит на моё отражение.

— Смотри, — командует Злата. — Внимательно смотри.

Смотрю и вижу себя — уставшего, помятого, с кругами под глазами. Рустама. Того, кто только что купил свою бывшую девушку на аукционе. Того, кто страдал по ней семь лет, но не нашёл в себе силы прийти и спросить: «Почему?».

— Ты хотел узнать, кто тот мудак? — её голос напряжённо звенит. — Вот он. Перед тобой.

Злата кивает на зеркало.

А я смотрю и всё ещё нихрена не понимаю. Мозг отказывается принимать информацию, потому что это бред. Я не приводил её туда. Я её оттуда забрал. Я её спас. Ну, или купил — какая разница. Но я точно не причастен к тому, как она там оказалась.

— Что это значит? — спрашиваю хрипло.

— Если бы ты меня не заказал, — говорит она медленно, чеканя каждое слово, — меня бы там вообще не было, Рустам.

Ничего не понимаю. Смотрю на Злату в отражении. Потом снова на себя.

— В смысле? — хмурюсь, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Я тут при чём?

— Рустам, — перебивает она тихо. — Меня похитили на выходе из дома. Я собиралась к нотариусу. А потом была машина, мешок на голове, темнота, страх и голос, который сказал: «Выйдешь на сцену — останешься жива. Тебя уже заказали. Выбора нет».

Злата замолкает и смотрит мне в глаза. В её взгляде калейдоскопом сменяются разные эмоции. Даже не успеваю ухватиться хотя бы за одну.

— Я не знала, кто меня заказал. Не знала, куда меня везут. Я думала... — она сглатывает, и я вижу, как дрожат её пальцы, сжатые в кулаки. — Я думала, что это конец. А потом меня выводят на парковку, кто-то снимает повязку — и я вижу тебя.

Злата отступает на шаг, и я чувствую, как мерзкий холодок пробегает по спине. Потому что начинаю понимать, как именно всё это выглядит для неё.

— Так что знакомься, — кивает на моё отражение в последний раз, сложив руки на груди. — Тот самый мудак. Можешь навешать себе.

Глава 7. Тот, кто всё знает

Рустам

Злата смотрит на меня через зеркало, и в её глазах только усталость. Ни злости, ни вопросов, ни претензий. Пока что.

— День был тяжёлый, Рустам, — говорит она тихо. — Я хочу лечь спать.

Я, конечно, мог бы спорить. Мог бы задавать вопросы, требовать ответов, настаивать на разговоре, пока она не выложит всё. Но смотрю на её отражение и понимаю, что не буду. Не сегодня. Не сейчас. Потому что я, конечно, могу быть конченым эгоистом, но не настолько же, блять.

— Хорошо, — киваю, и сам удивляюсь тому, как спокойно это звучит, будто я каждый день разрешаю девушкам, которых купил на аукционе, идти спать, а не отрабатывать свои полтора миллиона. — Пойдём, покажу комнату.

Злата облегчённо выдыхает и идёт за мной в сторону спален.

Останавливаюсь перед дверью. Моя спальня — слева. А справа — та, которую я никогда не использовал по назначению, хотя когда покупал квартиру, Адиль советовал сделать там кабинет, но я оставил как есть.

— Здесь, — говорю, включая мягкий свет настенного бра, потому что яркий верхний свет в спальне — это какая-то пытка, а не создание уюта. — Ванная через стену, полотенца в шкафу, если что-то понадобится — я рядом.

Она заходит внутрь, оглядывается внимательно и настороженно. Словно ожидала увидеть секс-комнату вместо стандартной спальни. Потом поворачивается ко мне, и какое-то время просто молча смотрит, будто размышляет над тем, что сказать. Но в итоге я слышу самое банальное:

— Спокойной ночи, Рустам.

— Спокойной ночи.

Разворачиваюсь и закрываю за собой дверь. Не успеваю сделать и несколько шагов — слышу, как щёлкает замок — тихо, почти деликатно, будто Злата извиняется за то, что запирается, хотя на её месте я бы замуровал дверь нахер после всего, что с ней случилось за этот день.

Иду в свою комнату, падаю на кровать, не раздеваясь, потому что сил даже на то, чтобы стянуть рубашку и брюки, уже не осталось — адреналин выветрился, и организм напоминает, что я, блять, не спал нормально уже бог знает сколько времени.

Мысли разбегаются, как тараканы на кухне у плохой хозяйки, когда включают свет — в разные стороны, хаотично, без всякой системы, и никак не хотят собираться в одну кучу, чтобы я мог наконец осмыслить всё, что произошло.

Злата думает, что это я заказал её. Организовал этот цирк с похищением, мешком на голове и дурацким аукционом. Что я тот самый мудак, который притащил её на сцену в этом шлюшьем наряде и заставил трястись перед толпой незнакомцев, которые смотрели на неё как на кусок мяса.

Смешно. Если бы не было так обидно.

Но сейчас не время для самобичевания — эту роскошь я могу позволить себе, когда останусь один после того, как решу все проблемы. Сейчас нужно действовать. Холодно, расчётливо, с головой, а не с сердцем, которое предательски откликается на её присутствие, несмотря на весь тот пиздец, который она когда-то устроила.

Единственный, кто знает всю правду от начала и до конца — наверняка ворочается в своей постели, пытаясь уснуть.

Хочу позвонить Адилю прямо сейчас. Набрать номер, который знаю наизусть с детства, и вытрясти из него ответы на все вопросы — кто, зачем, почему именно так, какого хера он вообще влез в это?

Но он меня пошлёт. Не потому, что не захочет говорить — Адиль никогда не отмалчивался, когда дело касалось серьёзных тем. А потому что это не телефонный разговор. Речь идёт о похищении, незаконном аукционе, моей бывшей девушке, которая думает, что я долбаный психопат, и Адиле, который, скорее всего, втихаря следил за её жизнью.

Вздыхаю тяжело, смотрю на потолок ещё несколько секунд, будто он может дать мне ответы или хотя бы подсказать направление, а потом нехотя встаю. Часы на тумбочке показывают половину третьего ночи — для нормальных людей время снов и сновидений, для меня — разгар бодрствования, только организм сегодня совсем не в ресурсе.

Чтобы время пролетело быстрее, привычно сажусь за комп и решаю провести пару сделок. Должна же быть хоть какая-то польза от моей бессонницы. С головой ухожу в цифровой мир и вылезаю из квартиры только к 12 дня. И это уже третий раз за последние сутки.

Эта мысль вызывает во мне такую смесь удивления и раздражения, что я даже останавливаюсь на минуту в прихожей, чтобы осознать — за месяц я столько раз не выходил на улицу, сколько сейчас за один день. И эти внезапные изменения в распорядке, который я выстраивал годами, подстраиваясь под свой биоритм, начинают меня откровенно бесить.

Но выбора нет. И вот я уже лечу на запрещённой скорости в сторону брата.

Офис Адиля находится в деловом центре — стекло, бетон, вечная суета. Охрана на входе меня даже не узнаёт, настолько я тут нечастый гость.

— Вы к кому? — спрашивает охранник, с подозрением щурясь.

— К Адилю Айдарову.

— У вас запись?

— У меня брат, — отвечаю устало и показываю пропуск, которым почти не пользовался, но на всякий случай всегда носил с собой. Пригодился.

Наконец он кивает, и я прохожу внутрь, чувствуя на себе его взгляд — то ли уважительный, то ли настороженный, мне, честно говоря, глубоко наплевать.

Иду по коридору и чувствую это скопление народа. Здесь десятки кабинетов, сотни сотрудников, и все они куда-то спешат, что-то обсуждают, звонят, пишут, бегают с бумажками. Слишком много людей. Слишком. Это давит на психику, вызывает сильное желание развернуться и уйти обратно в тишину своей квартиры, где никто не трогает, где можно не здороваться, не улыбаться, не делать вид, что тебе приятно находиться среди живых.

Кабинет брата находится в самом конце. Поэтому успеваю столкнуться с десятком любопытных глаз. Когда-то и моё фото висело на сайте компании, но я настолько ушёл в тень, что удалил его. Только вот те, кто работает тут много лет, скорее всего в курсе того, как я выгляжу.

Секретарша Адиля поднимает голову, когда я подхожу. У неё большие глаза и испуганное выражение лица, будто я монстр, который вылез из-под кровати. Может, так и есть.

— Вы... — начинает лепетать она растерянно, но я не даю ей закончить.

— Рустам, — перебиваю её. — Он здесь?

— Да, но он просил никого... — она испуганно смотрит на дверь, потом на меня, затем на стационарный телефон, будто не знает, что делать.

Зачем я вообще решил вступить в этот дебильный диалог?

Просто разворачиваюсь и иду к двери, но слышу как она набирает брату и говорит, что я приехал.

Адиль сидит в своём кресле — дорогом, кожаном, которое он выбирал три месяца, потому что, цитирую, «жопа должна отдыхать в комфорте». А потом он ещё добавил «хоть что-то должно отдыхать».

Несмотря на середину дня, в кабинете почти темно. Полумрак, в котором легко говорить о том, о чём не хочется говорить при ярком свете — о страхах, о деньгах, о том, что у нас всех когда-нибудь будет конец, только мы об этом не думаем.

— Какими судьбами? — тянет он с лёгкой издевкой. — Неужели твой адрес убрали из списка на доставку?

— Не валяй дурака, — устало бросаю, и в голосе проскальзывает такая степень раздражения, что даже сам удивляюсь. — Ты прекрасно знаешь, почему я приехал.

— Удивлён, что не начал пытать меня вчера, — хмыкает он, откидываясь на спинку кресла и закидывая ногу на ногу, как король, который принимает подданных на аудиенции.

Смотрю на его расслабленную позу, но знаю, что под ней всегда скрывается готовность к бою. Не со мной, конечно, просто давно устоявшаяся привычка. Которая ни раз спасала нам жизни.

— Злата, какого-то хера думает, что это я её заказал, как какую-то безделушку, — выплёвываю и начинаю ходить по кабинету, потому что не могу сидеть на месте, когда внутри всё кипит и переливается через край.

Адиль не меняет выражения лица. Даже бровью не ведёт.

— Ну так скажи, что не ты, а я, — усмехается он, небрежно пожав плечами. — На её месте я бы радовался, потому что то место, куда её сдала мачеха, точно хуже, чем даже твоя хата. Но если тебе станет спокойнее, я взял деньги из твоего запасного счёта, когда заказывал её.

Замираю посреди кабинета. Адиль вот так сразу признаётся, что Злата была его заказом. Без драмы, без оправданий, как будто говорит о том, что купил мне новый телефон на день рождения. Мысленно прокручиваю в голове его слова ещё раз.

Злату куда-то сдала мачеха?

Бля, а я даже не знал, что у неё есть мачеха!

— Ты как будто новости с НТВ мне сейчас рассказываешь, — говорю медленно, потирая переносицу, потому что в висках начинает пульсировать. — Что за пиздец вообще происходил в её жизни? Она же хер расскажет.

Адиль глубоко вдыхает и тяжело выдыхает, потому что ему мерзко обсуждать всё это. Я знаю, что брат терпеть не может разговоры о чувствах — не чужих, не своих, ничьих вообще. Ему проще решить проблему деньгами, связями, угрозами, чем сесть и обсудить, как кто себя чувствует. Но сейчас у него нет выбора, и мы оба это понимаем.

— Помнишь, год назад я ездил в командировку на Кипр? — начинает он издалека, перебирая ручку между пальцами. — Там ещё была конференция, где херова туча народа? Я звал тебя с собой.

— Предположим, что помню, — равнодушно пожимаю плечами, хотя прекрасно помню — и конференцию, и Кипр, и как он уговаривал меня вылезти из дома, обещая, что там будет весело. — Ты вообще много куда звал меня, хотя знаешь, что это херня затея.

— Не суть, — отмахивается он, откладывая ручку. — Там был папаня твоей пшеничной. Я тогда узнал, что у него не всё гладко и предложил помощь. Естественно, только из-за тебя, — он криво усмехается. — А он… как бы так помягче сказать… оказался гандоном. Ну а я же дважды не предлагаю.

Адиль стреляет в меня взглядом, и я понимаю — впереди будет ебейший рассказ.

— Короче, там дальше всё пошло совсем по пизде, — продолжает он глухим голосом. — Долги, ямы, не совсем чистые ростовщики. И по итогу, когда твой несостоявшийся тесть склеил ласты — за их фамилией потянулась вереница дерьма. Я наблюдал. Думал, если что подстрахую, но немного не успел. А когда батя её встретился с предками, то мачеха долго не размышляла и сдала твою Бемби ростовщикам. — Адиль поджимает губы, и я вижу, как напряглись его скулы. — В бордель.

На какое-то время зависаю, как старый комп. Потому что, мягко говоря, я в ахуе от услышанного.

— Ебать ты супермен, Адиль, — говорю наконец, когда голос возвращается. — Всё красиво расписал. Только один вопрос остался. Почему ты мне ничего про это не рассказывал?

— А нахера? — удивляется он искренне. — Ну бегали бы за этим бестолковым старикашкой двое Айдаровых, предлагая помощь. Думаешь, что-то изменилось бы? Там вся семейка упрямых баранов.

— Предположим, ты прав, — сажусь в кресло, сверля его взглядом, в котором, наверное, читается всё — от благодарности до желания слегка придушить его.

— Не предположим, — хмыкает Адиль, возвращаясь к своему обычному тону — циничному и ленивому, будто мы только что обсуждали не спасение девушки от борделя, а что заказать на ужин. — Ты знаешь, что я прав.

Да. Знаю. И это бесит и восхищает одновременно, потому что он, как всегда, оказался умнее, дальновиднее и предусмотрительнее.

— Да-да, — бросаю раздражённо, потому что не хочу признавать его правоту вслух. — Вообще, у меня ещё один вопрос нарисовался. Почему именно аукцион? Зачем ты её туда притащил?

Адиль трёт переносицу пальцами — жест, который я знаю с детства. Это значит он устал, потому что ему надоело объяснять очевидные вещи. А ещё ему, пиздец как хочется, чтобы разговор закончился, но он понимает, что это невозможно.

— Ты сегодня слишком разговорчивый, — бормочет он, прикрывая глаза на секунду. — Потому что, предложи я ей лично денег – был бы послан. Сказал бы тебе и ты бы предложил — был бы послан. Просто отдал эти деньги в бордель — мы бы наблюдали, как твоя златовласка валит в закат. А так все в плюсе: я посмотрел на твою довольную рожу; твоя пиздёнка не торгует собой и при этом сидит под боком. И-де-аль-но.

Адиль растягивает последнее слово по слогам, будто доказывает теорему, в которой не может быть ошибок.

— Осторожнее со словами, — цежу сквозь зубы, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Меня передёргиваетот этой формулировки, хотя, по сути, он прав — но слышать это от брата, даже учитывая, что он никогда не испытывал таких чувств ни к кому... всё равно неприятно.

— Ц-ц, — Адиль качает головой, и на его лице появляется выражение старшего, который учит младшего выживанию в этом жестоком и ебанутом мире. — Тебя жизнь так и не научила тому, что женщины — это слабое место? Уж ты-то должен это помнить так же, как и я.

— Если бы я смог такое выкинуть из головы, то, наверное, начал бы спать по ночам, как все нормальные люди, — бросаю, отводя взгляд в сторону, потому что не хочу, чтобы он видел мои глаза в этот момент.

Адиль замолкает. Не давит, не спрашивает, не лезет с дурацкими советами. Он вообще умеет молчать тогда, когда это нужно.

— Просто… — он подбирает слова осторожнее, чем обычно, и это настораживает. — Будь осторожнее. Что-то происходит, Рус. И чем дальше, тем отчётливее я это понимаю. Только пока что не могу понять, откуда летят подачи.

— И опять я не в курсе дел, — вздыхаю устало, глядя на брата, который всегда знает больше, чем говорит. — Тебе нужна моя помощь?

— Пока что нет, — качает Адиль головой. — Но если эта херота продолжится, то твой сон — даже дневной — отменяется.

— Отлично, — почти улыбаюсь от "шикарных" новостей. — Натравишь на врагов своё самое грозное оружие — брата-зомби.

Адиль даже умудряется рассмеяться.

— Именно. Но если ты сам ещё не в курсе, значит по внутрянке проблема ещё не пошла. Уже радует, — он замолкает на секунду, потом вдруг смотрит на меня иначе. — Слушай, твой доступ к моей хате… я про видео. Будь настоящим братцем и отключи у себя одну спальню.

— Ту, где ты развлекаешься с нежным оленёнком? — специально поддеваю его.

Адиля перекашивает, но он сдерживается.

— Придурок, — выдавливает сквозь зубы. — Ты прекрасно знаешь, что не «развлекаюсь». Просто… не надо.

— Неужели ты думаешь, мне заняться нечем, кроме как пялить в экран, чем вы там занимаетесь? — закатываю глаза. — Особенно сейчас, — добавляю с улыбкой, намекая на свою гостью.

Адиль морщится.

— Всё. Иди отсюда, пожалуйста.

— Вот так и выбирайся из дома почаще, ага. Ты хоть бы улыбнулся для приличия, что я к тебе внезапно приехал.

— Ещё бы ты без повода приезжал. Ну там, не знаю… посидеть вместо меня на совещаниях, пообщаться со своими подчинёнными, — он выдавливает такую улыбку, что мне становится не по себе.

— Фу, какие гадости ты озвучил, — кривлюсь. — Как ты вообще это всё выдерживаешь?

— С молитвами, — отвечает брат со смешком. — И вискарём в ящике стола.

— Мне бы даже это не помогло, — усмехаюсь, уже вышагивая к двери, но останавливаюсь и снова поворачиваюсь к нему. — Кстати, я хоть и говорил уже это, но повторю — спасибо.

Не уточняю за что. Он и так всё понимает. Как обычно.

Адиль на мою благодарность ничего не отвечает. Только улыбается уголком губ и кивает.

– И это, Рустам, – окликает он меня, когда я уже почти касаюсь ручки двери.

Смотрю на брата, вопросительно задрав бровь. В голове уже вспышками летят варианты того, какие ещё новости он может мне закинуть напоследок.

— Передай Свете зайти.

— Проблемы? — начинаю нервничать.

— Не-а, просто если я не разряжусь, то либо выебу, либо убью первого, кто зайдет после тебя, – хмыкает брат, а я смеюсь, хотя, по факту, он нихера не шутит.

Глава 8. Вкус прошлого

Рустам

Еду домой, прокручивая в голове разговор с Адилем.

Бордель. Ростовщики. Мачеха, которая сдала собственную падчерицу. И Адиль, который всё это время наблюдал со стороны.

Злость на себя накрывает с новой силой. Но я заставляю её заткнуться — сейчас она бесполезна.

Но одна навязчивая мысль решает поставить себя на ебучий репит.

«Если бы не Адиль, Злата была бы в борделе. Потому что я решил отрезать себя от реальности, в которой она жила все эти годы. Потому что боялся узнать, что она счастлива. Без меня.»

Трясу головой, пытаясь убрать её, но она как пиявка вцепилась, не желая оставлять мою голову.

На большой скорости доезжаю до дома, морально готовясь к новому поединку со Златой. Открываю дверь и с первых секунд понимаю — что-то не так. Воздух в квартире изменился. Пахнет едой. Горячей, свежей, домашней... какой здесь никогда не было.

Честно говоря, я даже не знал, что моя плита вообще работает.

Иду на запах, как собака, которую ведут на поводке. Захожу на кухню и охуеваю от открывшейся картинки.

Злата стоит у плиты — в тех же серых шортах и белой майке, босиком, волосы собраны в низкий хвост, открывая шею. Одной рукой она что-то лениво помешивает в сковороде, а другой перебирает морепродукты. Все движения отточены, будто она делает это каждый день.

Рядом на доске уже нарезаны овощи, в кастрюле что-то булькает, на столе — тарелки, приборы, даже салфетки. Будто она готовится к ужину. Настоящему. Домашнему.

Смотрю на это и не могу пошевелиться.

Потому что за семь лет в этой квартире не было ничего похожего на жизнь и уют. Только я, компьютер, работа, литры кофе и доставка готовой еды. А сейчас здесь пахнет луком и специями.

Злата оборачивается, заметив меня. В её глазах нет ни удивления, ни злости, ни претензии.

— Ты вовремя, — говорит спокойно, кивая на стол. — Садись, через пять минут будет готово.

Только вот я не двигаюсь. Стою и ошарашенно смотрю на неё, пытаясь понять — это реальность или очередной сон, в котором она возвращается, но потом я просыпаюсь в пустой квартире.

— Рустам, — зовёт Злата, и в её голосе появляется усмешка. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — выдыхаю и прохожу к столу. — Просто... никогда не видел, чтобы на моей кухне кто-то готовил.

— Привыкай, — пожимает она плечами и слегка улыбается. — У нас три месяца впереди.

«У нас.»

Сажусь на барный стул, наблюдая за тем, как Злата ловко управляется у плиты. Она больше не оборачивается, полностью поглощена процессом — добавляет специи, пробует на вкус с ложки, чуть хмурится и досыпает ещё что-то. Такую я её помню — сосредоточенную, увлечённую, с забавным выражением на лице, когда что-то идёт не так, как она запланировала.

И только когда Злата подходит к шкафу за новыми специями, я вижу, что именно она готовит. В кастрюле у неё рис. А рядом, в миске, уже ждут своей очереди креветки, мидии и кальмары.

Ризотто.

Моё любимое блюдо. Вернее, было моим любимым блюдом. И она это помнит...

Семь лет прошло. Семь лет, блять. Столько воды утекло, столько всего случилось. Какого хера она вообще это помнит? У неё наверняка была куча своих проблем, но вот Злата в моей квартире и готовит моё любимое ризотто.

Я и забыл, что когда-то так было. Что кто-то знал, как я люблю есть, спать, пить кофе. Что кто-то помнил, в какой последовательности я заправляю постель и что не выношу, когда трогают мою клавиатуру.

Это настолько не укладывается в моей голове, что я некоторое время просто молчу и смотрю, как она колдует над сковородой.

— На этот раз с вином не переборщила? — спрашиваю с лёгкой усмешкой, потому что не могу удержаться.

Злата даже не оборачивается — только весело фыркает, помешивая что-то в сковороде.

— Это было всего один раз, — говорит она, и в голосе слышится улыбка. — И то только потому, что ты меня тогда отвлёк...

А потом её рука замирает над сковородой на долю секунды, и я вижу, как напрягаются плечи — она поняла, что сказала. Поняла, что сама напомнила мне об этом.

И я тоже понял. Потому что в моей голове уже всплыло это воспоминание — чёткое, как будто смотрю кино, которое прокручивал сотни раз.

На кухне в её доме, где мы готовили вдвоём после школы, пока родители были на работе. Я зашёл на кухню, когда она как раз добавляла вино. Она в моей футболке, волосы растрёпаны, на плите кастрюля с рисом, а я подхожу сзади, обнимаю за талию, целую в шею — просто так, ничего не планируя. Злата смеётся, отмахивается ложкой, говорит, что ризотто сгорит, но это только сильнее заводит, поэтому разворачиваю её к себе, ложка падает на пол, и она уже тянется ко мне сама — с томным выдохом, в котором моё имя, и я теряюсь в ней настолько, что мы оба забываем про плиту.

Ризотто почти сгорело. Мы его доедали пережаренным, с комками, с перебором алкоголя, который так и не смог выветриться полностью. И я сказал, что это лучшее ризотто в моей жизни. Потому что так и было.

Воспоминание накрывает с головой — чувствую её вкус на губах, запах её духов, который смешивался с ароматом вина и риса. Слышу её смех, когда мы пытались спасти подгоревший ужин. Вижу её глаза — счастливые, беззаботные, те, которые смотрели на меня так, будто я — целый мир.

А сейчас я смотрю на её напряжённую спину и понимаю, что она вспомнила то же самое.

В комнате становится слишком тихо и тесно. Тяжело вздыхаю и тру переносицу. Не сейчас. Не время для этих воспоминаний, которые сбивают с толку и заставляют сердце биться быстрее, чем нужно.

— Ты больше не злишься? — спрашиваю, меняя тему. Голос звучит намного ровнее, чем я себя чувствую.

Злата вздыхает, всё ещё не оборачиваясь, и пожимает плечами. Этот жест такой простой, такой небрежный, что я не узнаю в нём ту девушку, которая вчера смотрела на меня через зеркало с неприязнью.

— А смысл? — тихо уточняет она.

Даже слегка офигеваю от такого ответа. Потому что это совсем не похоже на Злату, которую я помню. Та бы истерила, кричала, кидалась тарелками, требовала объяснений и крушила всё на своём пути. Та не умела прощать быстро — иногда приходилось вырывать прощение силой. Но это нравилось нам обоим так же, как и взрыв эмоций до примирительного секса.

А эта стоит у моей плиты, готовит мне ризотто и пожимает плечами, будто всё, что произошло — просто неприятное недоразумение, а не повод для скандала.

Злата тем временем продолжает, даже не дождавшись моего ответа.

— Я испугалась, Рустам. — она помешивает морепродукты, не давая им пережариться. — Ты же вроде в курсе, что мой отец оставил мне одни проблемы в наследство. А я даже отказаться не успела. Меня выкрали как раз на пути к нотариусу. Я собиралась на встречу с семейным юристом и мачехой, чтобы закрыть этот вопрос. Но не доехала.

Злата выключает плиту, вытирает руки о полотенце и поворачивается ко мне, опираясь на столешницу сзади. Смотрит спокойно, без страха и без вызова.

— Ты, конечно, всегда умел появиться эффектно, — усмехается она, и я знаю — она вспомнила нашу первую встречу. — Но в этот раз... был перебор. Я, может, и не заслужила милой встречи в кафе с букетом цветов, но и такого спектакля — тоже.

Она произносит это без претензии, просто озвучивая своё честное мнение. Сжимаю кулаки под стойкой, чтобы не выдать себя. Потому что лучше бы она кричала. Лучше бы кидалась на меня с кулаками, обвиняла, требовала — что угодно, только не это спокойное, взрослое принятие фактов, от которого у меня внутри всё ноет и жжёт.

Эта Злата — другая. Незнакомая. И от этого ещё более опасная, чем та восемнадцатилетняя девчонка, которую я знал. Та хотя бы была предсказуема — вспыльчивая, импульсивная, её эмоции всегда были наружу. А эта словно заперта внутри себя, и не показывает ничего. Не могу понять, о чём она думает, что чувствует, чего хочет на самом деле.

Бешусь, потому что в этой истории я чувствую себя пешкой в чужой игре — Адиль двигает фигуры, Злата реагирует как-то не так, как я ожидал, а я просто сижу и пытаюсь понять, что вообще происходит.

Хочу всё знать. Всю правду. Про семь лет без меня. Про то, как она жила, с кем, что ела, о ком думала, плакала ли ночами. Про долги, про мачеху, про тех ростовщиков, про бордель. Про то, кто она теперь — эта спокойная, собранная, взрослая девушка, которая умеет держать удар, не ломаясь.

А уже потом, когда картинка сложится, я пойму, как себя вести в этой новой реальности.

Поэтому сейчас просто молчу. А Злата не дожидаясь от меня ответа — отворачивается и начинает раскладывать ризотто по тарелкам. Смотрю на её руки, на плавные движения, никакой дрожи. Она профессионал в этом деле, как и раньше.

Злата отходит к раковине и я замечаю — мне почти все морепродукты, себе чуть-чуть, немного креветок и пару кусочков кальмара.

Эта деталь отзывается где-то в груди ноющей болью, которую я не могу объяснить. Она делает это осознанно, как тогда, семь лет назад. Будто ничего не изменилось. Будто она всё ещё моя девочка, которая заботится обо мне даже в мелочах.

Воспоминания накрывают с новой силой — и меня выкидывает из реальности обратно в прошлое.

***

Злата садится напротив, ставит передо мной тарелку с горой морепродуктов, тогда как у неё их всего ничего, в основном просто рис.

— Ешь, Рус, тебе нужно больше сил, ты всю ночь за компом сидишь, — говорит она, пододвигая тарелку ближе.

— А тебе не нужны силы? — усмехаюсь, тыкая вилкой в креветку.

— Я сплю ночью, в отличие от некоторых, — парирует Злата, но в глазах весёлые огоньки.

Беру и перекладываю ей половину обратно.

— Рустам! — возмущается она. — Я для тебя старалась!

— А я для тебя, — отвечаю, и она замолкает, глядя на меня так, что хочется отставить тарелки в сторону и затискать её прямо на кухонном столе.

***

Моргаю, возвращаясь в реальность. Злата ставит тарелку передо мной, и я снова вижу эту гору морепродуктов. Внутри закручивает вихрь — боль, сожаление, надежда, столько всего сразу. Слишком много всего навалилось за эти сутки. Кажется, меня скоро накроет.

— Ешь, — говорит Злата, как тогда. И садится напротив, пододвигая к себе почти пустую тарелку.

Смотрю на неё, на эту девушку, которая одновременно — моя Злата и совершенно чужая, и понимаю — разговор ещё не закончен. Он только начался. Просто мы оба взяли паузу. Чтобы поесть. Чтобы подышать. Чтобы не наломать дров сгоряча.

Беру вилку, набирая на неё рис с креветкой и отправляю в рот.

Вкус тот же.

И это добивает меня окончательно.

Глава 9. Границы дозволенного

Злата

Когда я вчера выходила из дома, то даже представить не могла, что окажусь в квартире Рустама.

Просто собиралась к нотариусу. Обычный день, обычные дела, серая юбка и скучная блузка. Ничто не предвещало той жести, которая обрушилась на мою голову уже через час.

А теперь я здесь. В его квартире. И пока не понимаю — это спасение или новый круг ада.

Меня похитили. Схватили на выходе из дома, накинули мешок на голову и бросили в машину. Я хотела кричать, царапаться, вырываться. Просто, чтобы не бездействовать. Чтобы совсем не сойти с ума от страха. Но пара серьёзных угроз и я поняла, что лучше не брыкаться. Я готовилась к худшему. Может, даже умереть. Но точно не к этому.

Я должна была обрадоваться, что это сделал Рустам? Или испугаться ещё сильнее? Я до сих пор не знаю. Потому что тот Рустам, которого я помню — не стал бы так делать. Не стал бы похищать. Не стал бы выставлять на аукцион, как кусок мяса, ради развлечения или мести.

Смотрю на него сейчас и не понимаю.

Кто он теперь?

Рустам стал другим. Не только внешне — хотя внешне тоже. Шире в плечах, жёстче челюсть, под глазами залегла такая темнота, будто он совсем перестал спать. Но это не главное. Что-то в нём безвозвратно поменялось. В Рустаме и так никогда не было той глупой лёгкости, которой страдают обычные парни его возраста — он всегда был старше своих лет, серьёзнее. Но сейчас его аура стала ещё более тяжёлой и давящей.

Я словно оказалась в руках незнакомца с внешностью моего первого парня.

Мы вообще не разговариваем, пока обедаем. Я только искоса наблюдаю за ним, чтобы не упустить момент, когда всё может поменяться. Но Рустам просто доедает ризотто и сухо благодарит за обед, как незнакомку в ресторане. Словно я — официантка, которая принесла заказ, а не девушка, которая знает, сколько ложек сахара он кладёт в кофе (ноль, потому что «кофе должен быть горьким, как жизнь») и что он ненавидит, когда в ризотто попадаются кусочки лимона, поэтому я всегда готовила по классическому рецепту.

Рустам встаёт и уходит в свою спальню, даже не обернувшись. А я остаюсь на кухне одна. Утыкаюсь лицом в ладони и сижу так, наверное, минут десять. Пытаюсь собрать мысли в кучу, но это бесполезно.

Он. Меня. Похитил.

Повторяю это себе, как мантру. Потому что моё тело, кажется, периодически забывает об этом факте. Оно помнит другое — как его руки обнимали меня, как его дыхание согревало, как я чувствовала себя в безопасности рядом с ним.

И несмотря на события последних суток, на всю ненормальность этой ситуации, меня почему-то всё равно тянет к нему.

Я психопатка? Или просто настолько отвыкла от нормальных отношений, что готова принять за любовь что угодно?

Три месяца.

Мы должны прожить под одной крышей три месяца, судя по словам организатора того аукциона. Если он, конечно, не соврал...

Понятия не имею, как нам это сделать. После семи лет порознь. После всего, что случилось...

Зачем я ему?

Этот вопрос сверлит голову с той самой секунды, как я увидела Рустама на парковке. Мелькает в мыслях слишком часто, мешая сосредоточиться на чём-то ещё. Только ответы каждый раз отличались. Один «радужнее» другого.

Убираю со стола и иду в свою спальню. Сажусь на кровать, провожу ладонями по покрывалу — дорогое, шершавое, какое-то слишком правильное. Нет в этой комнате жизни. Как и во всей квартире. Ни одной лишней вещи, ни пылинки, ни бардака. Слишком стерильно, слишком правильно, будто здесь никто не живёт — просто существует между сном и работой, не оставляя следов.

Чувствую, что от одежды и волос пахнет едой, поэтому лучше сходить в душ. Залезаю в пакет и нахожу милую белую пижаму в горошек. По сравнению с комплектом на мне — даже почти скромную. Не считая длины шорт.

Зависаю под душем и пытаюсь отогреться, потому что внутри меня уже семь лет зима. Холод въелся в кости, в мысли, в самые дальние уголки души, куда не проникает свет. Я мёрзну всегда. Даже летом. Даже под тёплым одеялом. Даже когда на улице плюс тридцать, а в комнате работает кондиционер на обогрев.

Ничего не выходит. Опять.

После душа возвращаюсь в спальню. Падаю на кровать и пытаюсь уснуть. Закрываю глаза, считаю овец, перебираю в голове таблицу умножения, стихи, которые учила в школе — «Я вас любил, любовь ещё быть может...».

Кручусь с боку на бок. Ничего не помогает. Навязчивые мысли продолжают крутиться в моей голове.

Я не знаю, как себя вести. С одной стороны, должна возненавидеть его за этот спектакль. Должна кричать и требовать объяснений. Ведь Рустам вырвал меня из устоявшейся жизни, пусть и не самой лучшей.

Кристина, наверное, уже обзванивает больницы или того хуже морги... Она ведь знает о ситуации с долгами и предупреждала, что вряд ли меня просто так оставят в покое. Надо попытаться связаться с ней. Только вот, что я ей скажу?

«Меня похитил мой бывший парень и закрыл в своей квартире, но ты не переживай. Возможно, через 3 месяца увидимся...».

Усмехаюсь в подушку, понимая абсурдность ситуации. И всё равно не могу даже разозлиться по-настоящему! Похоже все эмоции я выплеснула вчера, а теперь внутри поселилась какая-то ноющая пустота.

А ещё мне холодно. Это тот самый холод, который не уходит даже под тремя одеялами.

Чай.

Точно. Мне нужен чай.

Очередная бесполезная попытка отогреться, но вдруг в этот раз повезёт?

Осторожно выбираюсь из кровати и на цыпочках иду к двери, приоткрываю её и выглядываю в коридор. Темно. Только откуда-то пробивается тусклый свет — из гостиной, наверное. И слышен низкий гул — компьютеры работают.

Кухня пуста. Включаю подсветку над столешницей. Делаю чай и обхватываю кружку ладонями, греюсь. Делаю глоток. Чай обжигает горло, но внутри ничего не меняется.

Собираюсь уходить обратно в спальню, когда замечаю Рустама.

Он на диване. Вырубился сидя за ноутбуком — голова откинулась на спинку, пальцы всё ещё касаются клавиатуры, будто он отключился прямо в процессе работы.

Смотрю на часы на стене. Почти шесть вечера. Как раз его время для сна.

Оставляю кружку на столешнице и подхожу, чтобы забрать ноут. Он легко выскальзывает, и я ставлю его на низкий столик при диване.

И только потом позволяю себе посмотреть на него.

Рустам во сне такой... знакомый. Напряжённые черты лица разгладились, делая его более молодым. Он в простой чёрной футболке и тёмных шортах. Его тело сильно изменилось с нашей последней встречи. Он теперь намного мощнее. Больше. Сильнее. А я, кажется, меньше и худее. И контраст между нами из-за этого ощущается ещё острее.

Не знаю, что мной движет. Наверное, тот самый холод, который никак не уходит. Залезаю на диван и устраиваюсь с краю, на самом уголке, нервничая, что он проснётся и спросит: «Какого хера ты делаешь?»

И правда, что я делаю?

Зачем я здесь? Он меня похитил. Потом купил. Я должна бояться, должна ненавидеть, должна хотя бы сохранять дистанцию. Но внутри всё тянется к нему, как к источнику света, даже если это может спалить меня дотла.

Рустам не просыпается, поэтому придвигаюсь ближе. Медленно, по сантиметру. Рукой касаюсь его плеча и замираю.

Горячий. Он не просто тёплый — он обжигает. Даже через ткань футболки чувствую этот жар, который проникает сквозь кожу, разливается по венам, добирается до того места внутри, где уже давно живёт могильный холод.

Не надо. Не надо, Злата. Ты не знаешь, кто он теперь. Ты не знаешь, что он сделает, когда проснётся. Ты не в безопасности!

Но внутри что-то откликается, поэтому придвигаюсь ещё и прислоняюсь к нему боком. Осторожно, чтобы не разбудить. Потом замираю, глядя на его лицо с близкого расстояния.

Это ненормально. Конечно, ненормально. Я должна быть в своей спальне, и пытаться уснуть, а не прижиматься к бывшему, который купил меня на аукционе непонятно зачем.

Аккуратно облокачиваюсь на него и замираю. Просто лежу, чувствуя, как его тепло просачивается под кожу и — о чудо — внутри становится теплее.

Или мне только мерещится?

Не знаю, сколько времени проходит. Просто лежу и слушаю его дыхание.

В какой-то момент Рустам начинает хмуриться.

Его лицо, ещё секунду назад расслабленное, вдруг искажается. Брови сдвигаются, появляется глубокая складка между ними. Губы сжимаются. Он вздрагивает во сне, почти незаметно, но я чувствую это всем телом, потому что мы слишком близко.

Ему снится кошмар.

Неосознанно касаюсь пальцем и веду по морщинке, пытаясь разгладить её, снять напряжение, которое даже во сне не отпускает его.

Раз — и она становится меньше.

Два — почти исчезает.

Третье движение — и его лицо снова расслабляется, будто я стёрла то, что мучило его.

А в следующее мгновение его рука взлетает вверх и хватает меня за запястье. Сжимает крепко, почти до боли. Вздрагиваю от неожиданности и испуга.

Рустам распахивает глаза. В них нет ничего, кроме темноты и голода. Взгляд тяжёлый, немигающий. Он дышит быстро и рвано, а потом резко и собственнически тянет меня на себя. Упираюсь свободной рукой в его мускулистую грудь, чувствуя игру мышц под тканью футболки. Даже вырваться не пытаюсь — тело перестаёт слушаться. Просто смотрю в его глаза, пойманная в ловушку янтарных глаз и жду.

Жду, что будет дальше...

Взгляд Рустама скользит по моему лицу: губы, глаза, снова губы. А второй рукой Рустам скользит по моей спине, ниже. Касается оголённой кожи на пояснице. От его прикосновения — разряды по всему телу. Выгибаюсь ему навстречу и закусываю губу, чтобы сдержать стон. Потому что даже это прикосновение слишком сильно влияет на меня.

Его пальцы на моём запястье расслабляются. Он отпускает меня, но только для того, чтобы запустить руку мне в волосы. Сжимает пряди у корней — несильно, но достаточно, чтобы по телу прошлась знакомая горячая волна. Тянет меня ближе, и я послушно подаюсь вперёд, пока наши лица не оказываются в паре сантиметров друг от друга.

Но Рустам не целует. Просто смотрит диким взглядом, словно пытается впитать все мои эмоции и мысли. Его глаза темнеют, зрачки расширяются постепенно поглощая янтарную радужку. Он дышит тем же воздухом, что и я. Чувствую каждый выдох на своих губах и от этого кружится голова сильнее, чем от любого поцелуя.

Его пальцы ловко забираются под кофту и скользят по рёбрам, прямо под грудью. Но не касаясь её. Чувствую, как он резко выдыхает. Затем спускается вниз по животу, прямо под резинку шорт — туда, где кожа особенно горячая и чувствительная. Но он не ведёт ниже. Останавливается на границе. Дразнит. Так умело и невыносимо, что хочется уже попросить остановить эту пытку и коснуться нормально. По-настоящему.

Невольно подаюсь бёдрами вперёд, а взглядом цепляюсь за его губы. Я не знаю, что со мной происходит. Тело живёт отдельно от разума. Оно помнит его. Каждое прикосновение, каждое движение, каждый поцелуй. И эта дрожь внутри — не от страха. Совсем не от страха.

— Рустам, — выдыхаю и скольжу рукой вверх к его шее, слегка царапая ноготками.

Он внезапно напрягается и я вижу, как что-то в нём переключается. Как пламя в его глазах тушит ледяная вода. Как он принимает решение — не в мою пользу. Не в нашу.

Отпускает меня так резко, будто обжёгся. Убирает руки с моего тела — оттуда, где они только что сводили меня с ума. Встаёт с дивана и отходит на несколько шагов. Стоит спиной ко мне. Плечи напряжены — вижу, как играют мышцы под тканью футболки. Руки сжаты в кулаки.

Мы оба молчим.

Внутри всё кипит — стыд, обида, непонимание, злость. Но больше всего — боль. Тупая, ноющая, которая заставляет хотеть провалиться сквозь землю или хотя бы сквозь этот чёртов диван.

— Иди в свою спальню, — говорит Рустам глухо.

В его голосе нет угрозы. Нет злости. Даже раздражения нет. Только холод. Такой же, какой был внутри меня всё это время. Словно он стал моим зеркалом.

— И не выходи оттуда до завтра.

Застываю, не двигаясь, словно парализованная. Внутри всё кричит: «Что я сделала не так?»

Почему он остановился? Почему оттолкнул? Я чувствовала, что он хочет меня. Видела это в его взгляде, в каждом прикосновении. Так почему?

— Злата.

Рустам произносит моё имя, и оно звучит как приказ. В нём столько льда, что я невольно сжимаюсь.

— Иди. В. Спальню.

Понимаю — спорить бесполезно. Рустам не передумает. Что бы ни происходило у него в голове, какая бы битва ни бушевала внутри, он уже принял решение. Моё мнение здесь ничего не решает. Мои желания ничего не значат. Я — гостья в его доме. Или пленница. Или лот. Точно не равноправный участник.

Встаю, слегка пошатываясь на дрожащих ногах. Шорты предательски сползли ниже, пока мы лежали, и я нервно поправляю их. Кофта задралась, открывая живот — прикрываю и её, чувствуя, как всё ещё горит кожа там, где он касался.

Прохожу мимо него — стараясь не смотреть, потому что если увижу его лицо — расплачусь.

Спальня встречает меня темнотой и холодом. Закрываю дверь, прислоняюсь к ней лбом и замираю. Внутри всё дрожит мелкой противной дрожью — не от страха, от непонимания.

Что это было? Почему он остановился? Я же чувствовала — он хочет меня. Мне не могло показаться.

Может, он боится? Или не хочет, чтобы первый раз за семь лет был таким — на диване, в полусне, когда мы оба не уверены, кто мы друг для друга?

А может, я просто придумываю оправдания. Может, я — просто игрушка. И это всё его месть за то, что я сделала. Его способ самоутвердиться.

Вопросы роятся в голове, как осы, жалят, не дают покоя. Разворачиваюсь и сползаю по двери на пол, обхватываю колени руками и утыкаюсь в них лицом. В голове всплывает всё тот же вопрос:

Зачем я ему?

Глава 10. Там, где меня не найдут

Злата

Ночь тянется бесконечно.

Лежу на кровати в этой идеально чистой, идеально пустой комнате и смотрю в потолок, который почему-то не становится ни темнее, ни светлее — просто висит надо мной, как крышка гроба, равнодушный и давящий.

Сон не идёт. Конечно, не идёт.

Перебираю в голове события последних суток снова и снова, как чётки, которые должны успокоить, но только сильнее разжигают во мне леденящий холод.

Похищение. Аукцион. Сцена. Маска. Темнота. Страх.

А потом — его лицо.

Рустам на парковке. Его руки, когда он ловит меня у машины. Его пиджак на моих плечах. Его взгляд на кухне, когда я поправляю волосы. Его пальцы на моей коже, когда он касается меня там, на диване.

Зачем я ему?

Вариантов много, и каждый — хуже предыдущего.

Месть.

Самый очевидный. Я бросила его семь лет назад. Вычеркнула из жизни, как будто его и не существовало. Может, всё это время он вынашивал план, как вернуть долг? Похитить, унизить, заставить страдать — а потом вышвырнуть, как я когда-то вышвырнула его?

Развлечение.

Богатому мальчику скучно. Надоели доступные девушки, которые сами падают в постель. А тут — старая любовь, которую можно купить и делать с ней всё, что захочется. Игрушка с историей.

Одержимость.

Рустам следил за мной все эти годы. Знал про мою ситуацию, про долги, про отца. Ждал момента, когда я буду достаточно уязвима, чтобы не сбежать.

Нет, не хочу верить в это.

Переворачиваюсь на бок, сворачиваясь клубком.

Нужно продержаться три месяца.

Только вот я не понимаю, чего от Рустама теперь можно ждать и от этого незнания хочется выть.

Под утро сознание сдаётся. Усталость берёт своё — тело требует отдыха, даже если мозг продолжает метаться в агонии. Проваливаюсь в какой-то липкий, тяжёлый сон без сновидений — просто чернота, которая накрывает меня, как одеяло. А когда открываю глаза — в лицо бьёт солнечный свет.

Яркий. Наглый. Беспощадный.

Зажмуриваюсь, отворачиваясь к стене, но солнце, кажется, проникает сквозь веки, выжигая изнутри остатки сна.

Который час?

Осторожно приоткрываю один глаз, смотрю в окно. Солнце стоит высоко. Где-то в зените. Обед.

Резко сажусь на кровати, и сердце тревожно колотится где-то в горле.

Рустам.

Он проснулся? Где он? Что он сейчас делает? В каком настроении? Злится на меня за вчерашнее? Или сделает вид, что ничего не было?

Я не знаю и от этого становится страшно.

Тело требует выйти из комнаты — в туалет, умыться, может быть, найти воды. Но что-то внутри удерживает на месте, заставляет сидеть на кровати.

Не выходи. Не показывайся. Пусть он сам тебя найдёт, если захочет.

Ложусь обратно и снова смотрю в окно. За стеклом небо — яркое, голубое, с лёгкими облаками, которые медленно плывут куда-то, не спрашивая ни у кого разрешения. Такие свободные. Такие далёкие от того, что происходит здесь, в этой стерильной клетке.

Клетка. Да, именно так я и чувствую.

Но странное дело — даже здесь, даже в этой вынужденной изоляции, было лучше, чем там, снаружи. Чем в той жизни, где каждую секунду меня преследовал вечный, въевшийся в кости страх.

А здесь только Рустам. Непонятный. Пугающий. Но — живой.

Провожу рукой по животу, там, где он касался меня вчера. Кожа, казалось, до сих пор хранит тепло его пальцев.

Зачем я ему?

Вопрос вернулся, как бумеранг.

Переворачиваюсь на живот, утыкаясь лицом в подушку. Она пахнет чем-то нейтральным — стиральным порошком, свежестью, ничем. В этой квартире вообще всё пахло ничем. Как будто Рустам специально стерилизует пространство вокруг себя, не позволяя вещам обрести запах, душу, жизнь.

Я не знаю, сколько валяюсь так, прокручивая в голове одни и те же мысли, как заезженную пластинку.

Час? Два? Три?

В комнате нет часов. Телефона — тоже. Ни книг, ни блокнота, ни ручки, ни ноутбука — ничего. Только я, кровать и окно.

Обычно записываю свои мысли, когда становится слишком тяжело. Нахожу старую тетрадь, салфетку, клочок бумаги — и выплёскиваю всё на поверхность, чтобы хоть немного облегчить эту ношу, которая давит на плечи последние годы. Но здесь нет даже этого.

Рустам просто ничего не предложил.

Потому что я — вещь. А вещам не нужны другие вещи.

Эта мысль колет где-то в груди, но я отгоняю её.

Нет. Он не такой...

А какой он?

Сейчас у меня нет ответа на этот вопрос.

Желание сходить в туалет превращается в настоящую пытку. Сначала просто напоминает о себе — лёгкое, терпимое. Потом — сильнее. А ещё через какое-то время низ живота начинает ныть так, что я понимаю: выбора нет.

Осторожно сползаю с кровати и хватаю не глядя новый комплект одежды. На цыпочках подхожу к двери, прислушиваясь. Вроде никого. Сглатываю нервно, приоткрывая дверь — ровно настолько, чтобы выглянуть в коридор.

Пусто и темно. Только свет сочится из-за угла — из гостиной.

Выскальзываю из комнаты и на ватных ногах двигаюсь в сторону ванной, стараясь ступать бесшумно. Каждый шаг кажется невыносимо громким, а ладони потеют от напряжения.

Не столкнуться. Главное — не столкнуться с ним.

Добравшись до ванной, закрываю дверь на замок и наконец выдыхаю.

Пока привожу себя в порядок, понимаю, что хочу в душ. Тело ноет — не от физической усталости, а от того внутреннего напряжения, которое не отпускает меня всё это время. Горячая вода, даже если она просто польётся на спину, поможет расслабиться. Хотя бы немного.

Настраиваю воду так, что она становится почти обжигающей. Стою так, наверное, минут десять, просто позволяя теплу проникнуть под кожу, смыть остатки липкого сна и тревоги. Когда выключаю воду и вытираюсь пушистым полотенцем, чувствую себя немного лучше.

Хотя бы снаружи чистая. Внутри — тот же хаос и грязь.

Одеваюсь в короткую белую майку и серые спортивные короткие шорты, приглаживаю мокрые волосы руками. Зеркало отражает бледную, осунувшуюся девушку с синяками под глазами. Она выглядит так, будто не спала неделю, а не всего несколько ночей.

Ну прямо красавица. Точно покорю его сердце.

Кривляюсь своему отражению, потом разворачиваюсь и осторожно приоткрываю дверь — зависаю, потому что в коридоре стоит женщина.

Не Рустам. Женщина.

Лет шестидесяти, пухловатая, в простом светлом платье и белом фартуке поверх него. В руках она держит сумку-холодильник. А я даже не сразу понимаю, что пялюсь на неё, разинув рот.

У меня начались галлюцинации?

Женщина внезапно оборачивается и её глаза забавно округляются, она хватается за сердце свободной рукой и выдыхает:

— Господи, нельзя же так тихо подкрадываться! Я чуть инфаркт не схватила!

— Извините, — выдавливаю, чувствуя, как горло пересыхает. — Я не хотела...

— Да ладно, ладно, — женщина уже добродушно улыбается. Поправляет сумку на плече и протягивает мне свободную руку. — Зоя Эдуардовна. А вы, видимо, та самая неожиданность, про которую Рустам забыл меня предупредить.

Неловко пожимаю её тёплую, мягкую ладонь и представляюсь:

— Злата.

— Злата, — повторяет женщина. — Красивое. Редкое сейчас. Подходит вам.

Растерянно улыбаюсь, не зная, что ответить.

— А я, знаете ли, совсем не ожидала здесь никого увидеть, кроме Рустама, — говорит она, внимательно меня разглядывая. — Он ведь такой... как бы помягче сказать... нелюдимый. Сколько лет сюда хожу — ни разу никого не видела. А тут — вы.

Зоя Эдуардовна снова меня осматривает с головы до пят.

— Девушка, да ещё и такая хорошенькая. — в её глазах мелькает лёгкое лукавство. — Только вот вы, барышня, что-то бледная очень. И худая. Глаза впали. Кормить вас надо! Срочно!

Она хватает меня за руку и тащит в сторону кухни, даже не спрашивая разрешения.

— Я сегодня такого наготовила! И борщ, и котлеты, и пирог с яблоками. Рустам, конечно, опять скажет, что не будет, но вы-то поедите? Поедите, да?

Даже не успеваю ответить — она уже усаживает меня на барный стул и начинает выкладывать содержимое сумки на столешницу. Контейнеры с едой, пакеты с фруктами, домашнее варенье в маленькой баночке, свежая зелень.

— Вы готовить умеете? — спрашивает Зоя Эдуардовна, ловко раскладывая всё по местам в холодильнике, как будто делает это уже далеко не в первый раз. — Или вы из тех девушек, которые только в ресторанах питаются?

— Умею, — отвечаю, в голосе невольно проскальзывает гордость. — Лет с двенадцати.

— Ох, — Зоя Эдуардовна всплёскивает руками и улыбается ещё шире. — Как это здорово! А то сейчас молодёжь это совсем не умеет — макароны сварить и то проблема. А какие блюда ваши любимые?

— Ризотто, — вырывается у меня прежде, чем успеваю подумать.

Его любимое.

— Ризотто — это хорошо, — кивает она задумчиво. — Сложное блюдо, требует внимания. А я вот пироги больше люблю. С яблоками, с вишней, с творогом. Муж мой, царствие ему небесное, всегда говорил: «Зоя, твои пироги — это то, ради чего я просыпаюсь по утрам». И знаете, я верю, что через еду можно душу согреть. Не зря говорят — путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Она хитро подмигивает, и я смущаюсь, опуская взгляд в пол.

— Вот и Рустама бы вашими домашними блюдами подлечить, — продолжает Зоя Эдуардовна, не замечая моего замешательства. — Он же совсем себя запустил. Сидит тут в одиночестве целыми днями и работает. Ни домашнего, ни нормального — одни доставки эти бездушные.

Слушаю и чувствую, как внутри что-то неприятно колет от услышанного. Словно Рустам не жил нормально все эти годы, а просто существовал.

— А кем вы работаете, Зоя Эдуардовна? — спрашиваю, чтобы сменить болезненную тему.

Она громко и заразительно смеётся, что кажется слишком чужеродным в этой квартире. Хочется попросить её быть потише, чтобы не разозлить хозяина этой обители тишины и покоя.

— А никем! — отрезает она. — Просто прихожу раз в неделю проверить, как тут Рустам. Прибраться пытаюсь — да куда там, тут всегда чисто, как в операционной. Даже заняться нечем. Вот и таскаю продукты, готовлю дома и приношу ему — в надежде, что он наконец откажется от этих своих доставок. Но пока — безуспешно.

Она вздыхает и качает головой.

— Знаете, однажды увидела у охранника свой контейнер. С моими фирменными котлетами! Спрашиваю — откуда? А он и проболтался, что Рустам ему отдаёт. А когда я спросила Рустама почему, сказал — «Зоя Эдуардовна, не обижайтесь, но я не ем домашнее». Вот ведь упрямый.

Не сдерживаю улыбки.

Упрямый. Да. Это о нём.

— А как вы устроились на работу? — уточняю, а Зоя Эдуардовна тяжело вздыхает.

— Случайно, — бросает она, и в голосе проскальзывает тёплая грусть. — Знаете, бывает такое — идёшь по улице, ничего не ждёшь, а жизнь разворачивается на сто восемьдесят градусов?

Ещё как бывает.

— Меня уволили с предыдущей работы, — продолжает Зоя Эдуардовна. — Сказали, непрезентабельно смотрюсь в стенах элитной квартиры.

Она кривляется и пожимает плечами.

— Я, может, и выгляжу не как супермодель. Пухловата, одеваюсь попроще. Но ведь не чудовище какое.

Хочу возразить, сказать, что она выглядит прекрасно — тепло, уютно, по-настоящему. Но она уже продолжает свой рассказ:

— Стояла в очереди в супермаркете, в этом же доме. Жаловалась подруге по телефону — мол, работа нужна, сын непутёвый кредит на меня взял, выплачивать нужно большие суммы каждый месяц, а меня уволили... Как закончила разговор — меня окликнул парень, который стоял за мной в очереди.

Она мягко улыбается, с теплом в глазах.

— Это был Рустам. Предложил работу — сказал, приходите раз в неделю, смотреть за порядком. Денег предложил столько, что я ахнула.

— И вы согласились?

— А куда деваться? Конечно, согласилась. А спустя пару недель он вообще предложил кредит закрыть. Весь. Сразу.

Улыбаюсь, приятно удивлённая этим порывом Рустама.

— Но я отказалась, — Зоя Эдуардовна качает головой. — Сказала — если вы, Рустам Тимурович, сделаете это, я страшно обижусь. Мне совесть не позволит. Он и так платит мне за эти четыре визита в месяц слишком много. Я поэтому и готовлю ему дома, и продукты приношу разные, убираюсь тут вроде как, и... — она тяжело вздыхает. — И всё равно чувствую, что должна больше. Да и он такой... закрытый. Не подпускает. Но видно же — парень неплохой. Просто жизнью побит.

Жизнью побит.

Эти слова отзываются болью где-то в груди.

— А вы, — Зоя Эдуардовна вдруг смотрит на меня по-новому — внимательно, почти пронзительно. — Вы... вы его, наверное, сможете согреть. Девушка в доме — это хорошо. Это тепло. Я так рада, что наконец увидела кого-то здесь, в этом тёмном царстве.

Криво улыбаюсь, не зная, что ответить.

Если бы она знала, как я здесь оказалась...

— Зоя Эдуардовна, — решаюсь, пока не передумала. — Можно вас попросить?

— Конечно, милая, — отзывается она участливо.

— У вас есть телефон? Мой... сломался, а Рустам сейчас занят, не хочу его беспокоить... Мне нужно позвонить подруге.

Зоя Эдуардовна, даже не задумываясь, протягивает мне свой старенький кнопочный телефон, улыбаясь:

— Звони, конечно. Только недолго, там, кажется, батарея садится.

Искренне благодарю и отхожу в гостиную — за угол, чтобы Зоя Эдуардовна не услышала разговор.

Пальцы дрожат, пока я набираю номер.

Кристина.

Самый родной голос за последний год. Подруга, которая была со мной, когда рушился весь мой мир. Которая помогала мне подниматься с колен, когда я не видела выхода.

Длинные гудки заставляют меня нервничать.

— Алло? — Голос Кристины звучит настороженно.

Горло схватывает спазм и я, боясь разрыдаться, просто шумно выдыхаю в трубку, пытаясь собраться с силами.

— Алло? — повторяет она уже более раздражённо. — Кто это? Если ты очередной телефонный извращенец, то иди нахер!

Не выдерживаю и нервно смеюсь, на грани истерики.

— Лазарева, ты что ли?! — кричит Кристина в трубку так, что мне приходится оторвать телефон от уха. — Злата?!! Это ты?! Ты жива?!

— Я, — выдыхаю и улыбаюсь сквозь слёзы.

— Ты где?! Что случилось?! Ты пропала, трубку не берёшь, на сообщения не отвечаешь! Я вся извелась! В морги уже звонить начала! Что с тобой? Куда ты пропала? Откуда тебя вытаскивать?!

Кристина говорит быстро и сбивчиво, и в каждом слове чувствуется столько боли и страха, что у меня сердце разрывается от невозможности быть честной с ней.

— Кристин, всё хорошо, — бодро говорю, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Правда. Я в безопасности.

— В какой безопасности? Ты где?

— Мне пришлось... залечь на дно.

— Что?

— На меня вышли люди, которым отец задолжал деньги, — я почти шепчу, чтобы Зоя Эдуардовна не услышала. — Пришлось... срочно уехать. Скрыться.

— И ты мне ничего не сказала?! — Кристина снова кричит. — Вместе бы свалили куда-нибудь! Засели бы на дно — на пару! Как раньше.

Улыбаюсь, представив, как Кристина бросает всё и едет со мной в неизвестность. Она бы и правда это сделала. Но с теми людьми, которым задолжал отец, это всё равно не прокатит.

— Не получилось бы, — бросаю тихо. — Там суммы не те. Ты же понимаешь.

Кристина грязно и сочно ругается, как умеет только она.

— Ты хоть не в какой-нибудь убогой конуре зарылась? — уточняет она с беспокойством.

Оглядываю гостиную — дорогую, стерильную, с панорамными окнами и дизайнерской мебелью.

— Кристин, — говорю почти шёпотом. — Я сейчас в таком месте, где меня точно не найдут. Не переживай.

— Когда мы увидимся? — с тоской тянет она.

— Не знаю, — честно отвечаю. — Надеюсь, что скоро.

— Это не ответ.

— Я знаю.

— Злата... — в её голосе слышится боль. — Ты в порядке? Правда?

Закрываю глаза, пытаясь выровнять дыхание.

Нет. Ни черта я не в порядке.

— Да, — натянуто вру. — Всё хорошо.

— Ладно, — Кристина снова вздыхает. — Звони, как только сможешь. И не пропадай больше, слышишь?

— Слышу.

— И... Злата?

— Мм?

— Я люблю тебя, дуру. Береги себя.

Улыбаюсь сквозь слёзы, сквозь боль, сквозь этот чёртов страх.

— И я тебя люблю.

Нажимаю на отбой, нервно выдыхаю и разворачиваюсь.

И в этот момент, кажется, сердце останавливается вместе со мной на несколько секунд, потому что в нескольких шагах от меня стоит Рустам.

Злой. Нет — не просто злой. Бешеный.

Его глаза горят таким холодным пламенем, что мне хочется бежать. Его челюсти плотно сжаты, скулы напряжены, а пальцы сжаты в кулаки.

— Кому ты звонила? — спрашивает слишком тихо и спокойно. И это страшнее, чем если бы он кричал.

— Я... — пытаюсь ответить, но голос срывается от страха, потому что Рустам делает шаг вперёд. Затем ещё один.

А я отступаю, пока не упираюсь спиной в стену.

Попала.

Глава 11. Аромат прошлого

Злата

Рустам всего лишь в крошечном шаге от меня — такой большой, что мне начинает казаться, словно он заслоняет собой весь мир. Таким я его ещё не видела. Даже вчера, на диване, когда его глаза горели голодом, в них не было этой ледяной ярости. А сейчас — есть.

— Я тебя спрашиваю, — его голос низкий, почти шёпот, но в этом шёпоте столько острых колючек, что мне кажется — меня режут. — Кому. Ты. Звонила.

Испуганно впиваюсь взглядом в его дикие янтарные глаза и совсем не узнаю Рустама. Того, кто когда-то гладил меня по волосам и шептал глупости в темноте. Того, кто смеялся над моими шутками и готовил мне кофе с тремя ложками сахара, потому что я сладкоежка. Тот Рустам, во всяком случае мне очень хочется надеяться на это, где-то глубоко внутри этого разъярённого зверя, но я не знаю, как до него достучаться.

Сейчас он выглядит максимально чужим и опасным. И мне правда страшно.

Слышу как в ушах долбит бешенный пульс, ладони потеют, дыхание перехватывает. Кажется, ещё секунда — и я разрыдаюсь от этого напряжения, которое давит на плечи тяжелее любых долгов.

Но я не могу заплакать. Только не сейчас. Поэтому делаю глубокий вдох, насколько позволяет расстояние между нами, и тут же жалею об этом. Лёгкие наполняются до боли знакомым ароматом. Нотка бодрящего цитруса, благородная зелёная свежесть и лёгкие сладкие пряности.

Слишком хорошо знаю каждый оттенок этого парфюма, потому что сама когда-то подбирала его с особой тщательностью. Рустам точно пах не так, когда забрал меня с аукциона, да и вчера тоже... Я бы заметила, точно заметила бы!

А может моё воображение просто играет со мной, под стать названию этого аромата?

— Злата, — рычит Рустам, вырывая меня из неуместных размышлений.

Собираю всю свою волю в кулак. Ту, что помогала выживать последние семь лет. Ту, что не дала сломаться, когда мир рухнул в одночасье. Ту, что шепчет: «Ты справишься. Ты всегда справлялась».

— Рустам, — мой голос звучит тише, чем хотелось бы, но хотя бы не срывается и не выдаёт истинных эмоций. — Пожалуйста, не злись.

Он наклоняет голову набок и приподнимает бровь, словно удивлён и заинтересован.

— Дай мне объяснить, — продолжаю, глядя ему прямо в глаза, хотя внутри всё дрожит. — Пожалуйста.

Рустам прищуривается и смотрит на меня так, будто включает внутренний детектор лжи и пытается разглядеть ложь. Будто проверяет, насколько я искренна.

— Я не доверяю тебе, Злата, — криво усмехается.

От этих слов колет где-то в груди, разрывает что-то внутри, оставляя рваную рану. Больно. Очень. Но я заставляю себя не показывать этого. Потому что он прав. Рустам имеет полное право не доверять мне. После того, что я сделала семь лет назад.

— Я знаю, — шепчу, сдерживая слёзы, и в моём голосе проскальзывают стыд и сожаление. — Но прошу дать мне шанс доказать.

Рустам хмурится, не понимая. В его глазах мелькает... любопытство?

Пока он в замешательстве, медленно поднимаю телефонную трубку, зажатую в моей руке. Он тут же напрягается, когда видит это движение, а в следующий миг его рука резко взлетает и хватает меня за запястье.

Сжимает крепко. Даже слишком. Но я не вздрагиваю от этого — от его хватки, от силы, от угрозы. Вздрагиваю от другого.

От тепла.

Оно разливается от места соприкосновения наших рук — такое знакомое и родное, такое невозможное в этой ситуации. Как тогда, на парковке, когда я упала в его объятия. Как вчера, на диване, когда его пальцы скользили по моей коже.

Меня накрывает это чёртово наваждение, которое не проходит даже сейчас, когда он смотрит на меня как на врага. Кожа, пульс, каждая клетка помнят Рустама. И неважно, сколько лет прошло.

— Что ты задумала? — недовольно скалится, сжимая пальцы сильнее.

— Я просто хочу доказать тебе, — шепчу, глядя ему в глаза. — Что я не сделала ничего плохого.

Рустам молчит. Смотрит и оценивает.

А потом медленно и дразняще его рука скользит с моего запястья вверх, обхватывает локоть, и наконец, опускается на талию. Пальцы впиваются в мою кожу поверх тонкой ткани майки — не больно, но ощутимо. Собственнически и властно. Как будто он обозначает свою территорию на моём теле.

Рустам преодолевает оставшееся между нами расстояние и прижимает меня к стене своим телом. Разводит коленом мои ноги и упирается им в стену за мной. От его близости кружится голова. И теперь, даже, если я захочу сбежать, то не смогу. Но если честно, то я и не хочу.

Его глаза продолжают сверлить меня. Ещё раз вдыхаю этот пьянящий ностальгический аромат и поднимаю телефон. Показываю ему экран, где светится последний исходящий звонок.

Рустам щурится, рассматривая журнал вызовов, но ничего не говорит. Воспринимаю это, как разрешение, нажимаю на зелёную кнопку и включаю громкую связь.

Пока тянутся гудки, Рустам смотрит то на телефон, то на меня. Его пальцы на моей талии сжимаются чуть сильнее — то ли нервно, то ли предупреждающе.

— Уже соскучилась, Лазарева? — раздаётся из динамика насмешливый голос Кристины.

Не сдерживаю улыбки. Кристина — единственный человек, который может заставить меня улыбнуться даже в такой ситуации.

— Кристин, забыла кое-что сказать. Слушай внимательно. В комоде, где моё нижнее бельё...

Рука Рустама на моей талии снова сжимается на этих словах. Отчётливо чувствую жар, который исходит от него, и это сбивает с мысли. Но я заставляю себя продолжать, хотя щёки предательски розовеют.

— ...там есть заначка. Возьми на оплату квартиры, ладно? И, пожалуйста, купи корм для Муси, которая живёт у нашего подъезда.

— Злата, ты меня убиваешь! У меня же аллергия на кошек! Я чихать и кашлять буду прямо на эту Мусю, глаза слезиться будут...

— Но ты же покормишь её? — улыбаюсь, потому что знаю ответ.

— Конечно, покормлю, — вздыхает Кристина. — Ради тебя — хоть крокодила кормить буду. Но ты мне должна будешь. Литр просекко и роллы. Слышишь меня?

— Слышу, — не сдержавшись тихо смеюсь, замечая, как напряжение потихоньку отпускает.

— И возвращайся скорее, — голос Кристины становится серьёзным. — Я без тебя тут с ума схожу.

— Я постараюсь, — обещаю хоть и не уверена в своих словах. Ведь это словно теперь не от меня зависит. — Пока, Кристин.

— Пока, Лазарева. Береги себя.

Подруга сбрасывает вызов первой. Опускаю руку с телефоном и смотрю на Рустама.

— Это Кристина, — говорю спокойно. — Моя подруга. Мы живём вместе уже год. Она — как сестра. И это с ней я говорила.

Рустам всё ещё щурится, но в его глазах уже нет той ледяной ярости, что была минуту назад. Теперь там скорее... настороженность и интерес.

— Ничего лишнего я ей не сказала, — продолжаю осторожно. — Просто... не хотела, чтобы она переживала. Чтобы искала меня и обзванивала больницы и морги.

Он продолжает молчать, обдумывая услышанное. Его пальцы на моей талии приходят в движение и он проводит ими вверх, затем вниз к бёдрам. Тело реагирует быстрее, чем я успеваю подумать об этом. Мои ноги сжимаются вокруг его бедра, а свободная рука, не подчиняясь доводам рассудка, скользит по спине Рустама. Успеваю сделать всего несколько ласкающих движений, и пока разум ещё где-то рядом и откликается, шепчу, глядя прямо в его глаза:

— Пожалуйста, поверь мне. Хотя бы в этом.

Рустам открывает рот, чтобы что-то сказать. Залипаю на том, как начинают шевелиться его губы, и замираю в ожидании. Но уже начинаю сомневаться, что хочу продолжать этот разговор.

Сейчас он слишком близко, пахнет так знакомо, а его тело ещё более притягательное, чем раньше. Цепляюсь взглядом за его губы, которые совсем рядом с моими и жду хотя бы чего-то, что снимет это нарастающее напряжение и возбуждение. Но вместо слов слышу...

Бам!

С кухни доносится громкий звук — словно упала кастрюля или сковородка. Или что-то ещё, металлическое и тяжёлое.

Рустам вздрагивает и резко оборачивается на звук. А я выдыхаю так, что мир плывёт перед глазами.

Он отступает всего на шаг. Но этого достаточно, и теперь я снова могу дышать и думать более-менее здраво. Могу не чувствовать его запах настолько остро, что рискую потерять рассудок и контроль.

Рустам переводит взгляд на телефон в моей руке, потом на меня.

— Верни телефон Зое, — хрипит тяжело дыша. — И в следующий раз... проси у меня.

Проси у меня.

Он не сказал «не бери без спроса» или «не смей». И это сильно откликается где-то внутри и мне начинает казаться, что мы на верном пути и сможем справиться со всем вместе.

— Хорошо, — киваю несколько раз, заставляя себя вернуться в реальность. — Спасибо тебе.

— Рано благодаришь, — хмыкает он, и я снова вижу колючего и неуступчивого Рустама. — Ты всё равно будешь наказана за этот звонок. За то, что сделала это за моей спиной.

Удивлённо смотрю на него, пытаясь понять — шутит он или нет. Но его лицо серьёзное. Абсолютно.

— Как? — выдыхаю, и в голосе проскальзывает испуг, который я не успеваю спрятать.

Рустам наклоняется ближе, окутывая меня дурманящим ароматом прошлого, и его губы почти касаются моего уха, когда он шепчет:

— Скоро узнаешь.

Отстраняется, даря на прощание дерзкую усмешку, и уходит, не оглядываясь.

А я остаюсь стоять, прижимаясь спиной к стене, потому что ноги совсем не держат. Внутри меня идёт жестокая борьба, потому что не понимаю — боюсь я или предвкушаю.

Глава 12. То самое

Злата

Возвращаю телефон Зое Эдуардовне.

Пальцы всё ещё дрожат, когда протягиваю ей старенький кнопочный аппарат. Она смотрит на меня с лёгкой тревогой, но ничего не спрашивает — только мягко улыбается и кивает на стул.

— Садись, милая. Поешь.

Очень хочу отказаться, потому что после того, что произошло в коридоре, после его близости, после этих слов «скоро узнаешь» — у меня совсем нет аппетита. Кажется, если сейчас попытаюсь проглотить хоть кусочек, меня вывернет наизнанку. Но Зоя Эдуардовна смотрит так участливо, так по-матерински тепло, что я не могу отказать.

С тяжёлым вздохом опускаюсь на барный стул. Она тут же ставит передо мной тарелку с борщом — наваристым, красным, с аппетитными кусочками мяса и ложкой сметаны сверху. Пар поднимается над тарелкой, а запах домашней еды ударяет в нос.

Борщ оказывается идеальным — в меру солёным, с правильным балансом овощей и специй. Но я почти не чувствую вкуса. Жую механически, проглатываю через силу.

— Ты какая-то бледная, — говорит Зоя Эдуардовна, подперев щёку рукой. — И руки трясутся. Всё в порядке?

— Да, — выдавливаю улыбку. — Просто день тяжёлый.

— День? — переспрашивает она с лёгкой усмешкой. — Выглядишь так, будто неделю не спала.

— Я плохо сплю в принципе, — честно признаюсь, откладывая ложку.

— Это заметно, — она вздыхает и качает головой. — У тебя глаза совсем грустные, Злата. И не только глаза. Ты вся какая-то... потерянная.

Эти слова отзываются болью внутри, потому что она права. Я потерянная. Потерянная уже семь лет, с того самого момента, как...

Даже мысленно не хочу это договаривать. Не сейчас.

Доедаю борщ через силу, потом котлеты с пюре. Зоя Эдуардовна что-то говорит про Рустама, про надежду на перемены в его питании с моим появлением, но я отвечаю односложно, не вникая в смысл.

Она видимо понимает, что мыслями я далеко, а не здесь, и отстаёт от меня, начиная убирать на кухне. А потом надевает свой большой вязанный кардиган и поворачивается ко мне.

— Ну, мне пора. Ты тут... держись, ладно? И звони, если что — я оставила свой номер на стикере на холодильнике. На всякий случай.

— Спасибо, Зоя Эдуардовна.

На кухне вновь становится очень тихо, слышу только как гудит холодильник. На фоне ещё улавливаю низкий гул компьютеров из гостиной — Рустам там. Чувствую его присутствие кожей, каждой клеткой, и от этого сердце заходится в бешенном ритме.

На негнущихся ногах иду в свою комнату. Коридор кажется каким-то бесконечным. Прохожу мимо гостиной, стараюсь не смотреть, но боковым зрением всё равно замечаю Рустама — сидит за ноутбуком, сосредоточенный и напряжённый. Пальцы быстро бегают по клавиатуре, и он даже не оборачивается, будто меня не существует.

Захожу в спальню и закрываю дверь. Щелчок замка до ужаса громкий и неуместный, почти издевательский. Прекрасно понимаю: это иллюзия безопасности. Если Рустам захочет войти — он войдёт.

Это его территория, его правила, его игра.

«Ты всё равно будешь наказана».

Что это значит? Что он собирается сделать? Запереть? Сделать больно? Или то, о чём я боюсь даже думать и одновременно хочу, чтобы это случилось?

Ложусь на кровать, сворачиваясь клубочком и обнимая колени. Ещё одна иллюзия безопасности.

В комнате постепенно темнеет, солнце садится. Смотрю в окно и считаю минуты.

Не сплю. Не могу. Потому что знаю: он тоже не спит.

Рустам там, за стеной.

Его время — ночь. Его жизнь — ночь. И теперь я — часть этой ночи.

Вопросы всё так же роятся в голове, кусают, не дают покоя.

Зачем он это делает? Зачем купил меня? И главное — что за наказание меня ждёт?

Фантазия рисует разные картинки. От почти безобидных до таких, от которых внутри становится жарко и стыдно одновременно.

Ночь тянется бесконечно.

Ворочаюсь с боку на бок, сбрасываю одеяло, снова натягиваю. В комнате то жарко, то холодно — или это внутри всё горит? Постоянно прислушиваюсь к звукам за дверью. Иногда слышу его шаги.

Рустам ходит по квартире, пару раз останавливается рядом с моей дверью, и в эти моменты я замираю, переставая дышать. А потом он снова уходит.

Что он делает? Думает обо мне? Или ему плевать, и он просто работает?

Эта мысль ранит сильнее всех остальных.

Где-то в пятом часу утра сознание сдаётся. Проваливаюсь в тревожный сон, где в темноте светятся до боли знакомые янтарные глаза, а потом меня сжимают его жадные руки.

Просыпаюсь от солнечного света, который настойчиво бьёт прямо в глаза. Несколько секунд просто сижу на кровати и моргаю. Солнце высоко, ближе к обеду. Всё тело затекло и неприятно ноет, требуя хоть какого-то движения.

Слезаю с кровати, и как вчера, прежде чем выйти, прислушиваюсь к звукам за дверью. Убедившись, что всё спокойно, выскальзываю в коридор и почти бегом несусь к ванной.

Стою в душе долго, почти под кипятком и до красноты кожи. Пытаюсь смыть остатки вязкого сна, тревогу, этот страх, который не отпускает. Но вода не помогает — его образ остаётся со мной, в моей голове, в моём теле, которое всё ещё помнит его прикосновения.

Когда выхожу из кабинки, мельком смотрю в зеркало: синяки стали ещё темнее, бледная, измученная. Но в глазах теперь горит странный огонь — ожидание, предвкушение, страх пополам с надеждой.

Так же быстро возвращаюсь в спальню и застываю на пороге, потому что на кровати лежит коробка. Чёрная, матовая, с атласной лентой.

Медленно, словно коробка может укусить, подхожу к кровати. Сажусь рядом и просто смотрю на неё несколько секунд. Делаю глубокий вдох и развязываю ленту дрожащими пальцами.

Сверху — записка. Маленькая картонная карточка. Почерк Рустама. Аккуратный, чуть наклонный, с характерными хвостиками у букв. Я узнала бы его из тысячи. Когда-то он писал мне милые послания на стикерах, кидал записки в сумку, чтобы я находила их и улыбалась.

«Надень это. Повязку на глаза — тоже. В 21:00 жди меня, сидя на кровати. Р.»

Перечитываю снова. И ещё раз. Внутри жарко и холодно одновременно. Щёки горят, по телу несутся будоражащие мурашки.

Неужели это и есть его наказание?

Такое... Интимное. Страшное. Запретное.

И от этого внутри всё трепещет в странном предвкушении.

Откладываю записку и заглядываю в коробку. Красная ткань, шелковистая, переливающаяся. Достаю наряд и дыхание буквально останавливается от увиденного.

Красное короткое платье с корсетом.

То самое.

Узнаю его мгновенно, потому что невозможно забыть платье, в котором ты была в одну из самых безумных ночей своей жизни.

Семь лет назад. Наша вылазка в клуб. Я тогда надела его, чтобы произвести впечатление. На Рустама, конечно же.

Помню, как он смотрел на меня. Как тяжело дышал и сжимал в своих объятиях, когда танцевал со мной. Как сказал «поехали отсюда». Помню, как потом срывал с меня это платье — нетерпеливый, голодный, почти дикий. Его руки везде, его губы на моей шее, на плечах, на груди.

Как Рустам дёрнул молнию, потому что не мог ждать ни секунды. Чуть не порвал платье тогда. После извинялся и говорил, что купит новое, а я смеялась, отшучиваясь, что оно того стоило.

Потом ушла от него посреди ночи — в его длинной футболке, через дверь в заборе между нашими домами, перелезая через балкон в свою спальню. Хорошо, что моя комната была на первом этаже. Я часто так делала, потому что меня могли проверить утром родители.

А потом Рустам стал забираться ко мне прямо посреди ночи. Отключал камеры на территории нашего дома — он уже тогда всё это умел. Его ночные визиты были самыми сладкими и самыми запретными.

Переворачиваю платье, нащупывая молнию. Вот она. Чуть изогнута в том самом месте.

— Зачем? — шепчу вслух, ошеломлённая этим открытием, которое внезапно обжигает до слёз. — Зачем ты хранил его, Рустам?

Хочу выбежать в гостиную, найти его и спросить. Про платье, про эти семь лет, про то, что я тоже не забыла, что я тоже помню каждую деталь. Что до сих пор храню в шкатулке его записки и перечитываю их по ночам, когда мне становится особенно тяжело. Но я не могу.

Он сказал ждать до девяти. Значит, у него есть план и я не посмею его нарушить.

Рустам не выглядит как человек, который мне с радостью раскроет все свои карты, если просто подойду и спрошу. Сейчас он закрытый, недоверчивый и осторожный. И даже винить его не за что — сама ведь привела нас к этой точке.

Значит сначала нужно заслужить его доверие. Показать, что я не враг и что я не предам его снова.

Убираю платье обратно в коробку и ложусь на кровать, снова сворачиваюсь клубочком и смотрю в окно. Солнце ещё высоко, но оно неумолимо движется.

К вечеру, к девяти, к тому часу, который перевернёт всё или ничего не изменит.

Просто лежу и жду, глядя, как оно ползёт по небу, меняя оттенки с золотистого на оранжевый, потом на розоватый, пока не наступает красивый закат, который почти не замечаю, потому что всё моё существо сосредоточено на одном — на том, что будет в девять.

В половине девятого заставляю себя встать, открываю коробку и достаю платье. Оно такое же, как тогда и на удивление садится идеально, несмотря на то, что я похудела.

На дне коробке под ещё одним слоем специальной тёмной упаковочной бумаги, замечаю чёрные туфли с острым носом на шпильке. Размер, конечно же, мой.

Подхожу к зеркалу на дверце шкафа, рассматривая себя: красное, яркое, вызывающее платье, волосы распущены, глаза блестят от сладкого предвкушения, щёки горят румянцем.

Выгляжу не как пленница или жертва — выгляжу как девушка, которая ждёт встречи со своим мужчиной...

Шёлковая чёрная повязка для глаз лежит там же, в коробке. Трогаю её пальцами, вздрагивая от одной мысли, что Рустам не хочет, чтобы я видела, что он будет делать.

Сердце снова начинает колотиться быстро-быстро, ударяясь о рёбра и возвращаясь обратно.

В восемь пятьдесят сажусь на кровать и надеваю повязку. Мир погружается в темноту, я слышу только своё дыхание и всё такой же бешеный стук сердца — больше ничего.

Сижу и жду, считая удары пульса.

Через какое-то время слышу шаги. Они приближаются, дверь в мою спальню открывается, и я перестаю дышать, чувствуя, как его присутствие заполняет комнату, даже не касаясь меня.

Наказание начинается...

Глава 13. Сладкие пытки

Злата

Мир вокруг меня исчез.

Есть только темнота перед глазами, шёлковая и мягкая, и бешеный стук сердца, который, кажется, разрывает грудную клетку изнутри. Не вижу ничего, но чувствую каждую секунду, каждое движение воздуха в комнате. А потом слышу шаги — уверенные, неторопливые, и в следующее мгновение понимаю, что он уже совсем близко.

Рустам стоит где-то рядом, возвышаясь надо мной.

Я не вижу его, но ощущаю всем телом — его присутствие заполняет комнату, вытесняет кислород, заставляет пространство искриться и колоть меня маленькими острыми разрядами. Слышу как он делает ещё шаг, и в нос тут же ударяет знакомый аромат — та самая парфюмерная композиция, которую я когда-то подбирала для него с такой тщательностью.

Воспоминания накрывают с головой — тёплые, щемящие, совершенно неуместные сейчас, но от этого не менее сладкие.

Как тогда, в парке, когда он впервые взял меня за руку. Как в машине, когда мы ехали с учёбы, и я уткнулась носом ему в плечо, вдыхая этот запах, запоминая его навсегда. Как во всех наших тайных встречах, когда он забирался ко мне в спальню посреди ночи, и этот аромат оставался на подушках ещё несколько дней после его ухода, и я ловила его, как одержимая, боясь выветривания.

Но сейчас я не в прошлом.

Я здесь. С ним. И понятия не имею, что будет дальше.

Мы оба молчим. Тишина давит на уши, и я слышу только своё дыхание — прерывистое, частое, слишком громкое. И его дыхание, такое спокойное и ровное.

Рустам контролирует ситуацию. Он контролирует меня. И мне приходится просто сидеть и ждать, не зная, что он задумал.

Интересно, как он сейчас смотрит на меня? Внимательно разглядывает в этом платье, которое когда-то срывал с меня в нетерпении? Что он чувствует? О чём думает?

Не вижу его глаз, не могу прочитать эмоции, и это сводит с ума сильнее, чем если бы он кричал или угрожал.

Но страха нет. Совсем. Только сладкое и тягучее напряжение, которое растекается по венам, заставляя каждую клеточку тела вибрировать.

А потом я чувствую прикосновение.

Лёгкое, невесомое, почти призрачное. Рустам проводит пальцами по моим волосам — от макушки до самых кончиков, и этот жест такой удивительно нежный, такой родной, что у меня кружится голова.

Он никогда не был жестоким со мной. Даже злым — редко. А сейчас, когда я жду наказания, он гладит меня по голове, словно... любимую.

Замираю, боясь спугнуть этот момент, боясь дышать слишком громко. Его пальцы ещё раз скользят по волосам, распутывая пряди, и я чувствую, как начинаю плавиться под теплом его рук.

Потом он осторожно берёт меня за руки и слегка тянет на себя. Понимаю жест и поднимаюсь с кровати. Туфли на шпильке твёрдо стоят на полу, но мне всё равно приходится держаться за его руки, чтобы не потерять равновесие — темнота перед глазами дезориентирует, и я чувствую себя маленькой и беспомощной в этой чёрной шёлковой повязке.

Рустам молчит.

И снова — ничего не происходит, но что-то мне подсказывает, что он рассматривает меня. Наверное, оценивает каждую деталь, каждую линию. Красное платье, которое он хранил семь лет, туфли на шпильке, распущенные волосы, дрожащие руки.

Мне хочется спросить, нравлюсь ли я ему, но язык не поворачивается. Слишком страшно услышать ответ. Или вообще его не услышать.

Потом его рука уверенно ложится на мою талию и он ведёт меня вперёд. Мы медленно выходим из спальни, и я целиком полагаюсь на него, потому что не вижу ни дверей, ни углов, ни ступенек. Только его рука, что крепко сжимает мою талию и направляет.

Наконец, он меня усаживает на диван. Сижу в напряжении, выпрямив спину, сложив руки на коленях, и жду. Прислушиваюсь, пытаясь уловить хоть какой-то звук, хоть намёк на то, что будет дальше. Но Рустам молчит.

Уже начинаю думать, что это и есть наказание — сидеть здесь, слепой и беспомощной, и ждать, когда он соизволит что-то сделать.

Игнорирование. Ожидание. Молчание.

И вот, что-то меняется вокруг меня и я чувствую запах. Сладкий, свежий, чуть кисловатый. Делаю осторожный вдох, пытаясь понять, откуда исходит аромат, и в следующую секунду моих губ касается что-то холодное.

Вздрагиваю всем телом от неожиданности, рефлекторно облизываю губы и чувствую языком текстуру — нежную, чуть шершавую, с мелкими зёрнышками.

Клубника.

Моё дыхание становится глубже, чаще. Он хочет покормить меня клубникой? Это часть наказания? Или какой-то игры?

Рустам медленно ведёт ягодой по моим губам — от уголка к уголку, дразняще и не спеша. Его движения такие лёгкие, почти интимные, и от этого прикосновения по телу разносятся волны, собираясь где-то внизу живота. Непроизвольно приоткрываю рот, шумно выдыхая, готовая принять ягоду, но он надавливает ею на мою нижнюю губу, а в следующий миг убирает.

Не даёт укусить.

Закусываю губу, сдерживая разочарованный стон, и чувствую, как щёки начинают гореть. И снова он водит клубникой по моим губам — медленно, почти лениво, словно наслаждается процессом. Его прохладные пальцы иногда касаются моей кожи, и от каждого случайного прикосновения меня бросает в жар.

Он повторяет этот круг снова и снова: проводит ягодой по губам, подносит ближе, давая почувствовать запах и холод, и вновь убирает, не давая укусить. Это какая-то изощрённая пытка, от которой всё тело начинает гореть. Сжимаю бёдра, пытаясь унять пульсацию, которая бьётся где-то между ног, став почти невыносимой.

И тут же слышу его тихую усмешку.

Видимо, Рустам замечает моё движение, и понимает, что со мной происходит. Мне становится одновременно стыдно и... и приятно, что он видит, как сильно влияет на меня. Мои щёки вспыхивают ещё сильнее, и я понимаю, что сейчас, скорее всего красная, как и это платье.

Но он не даёт мне утонуть в смущении. Внезапно ощущаю прохладу на правой щеке — его ладонь, такая холодная, что кажется ледяной, прижимается к моей горячей коже.

Этот контраст температуры — обжигающий жар моих щёк и ледяное спокойствие его рук — вызывает у меня такой взрыв ощущений, что едва сдерживаю стон. Кажется, ещё немного, и я просто растворюсь, потеряю себя в этой игре, которую он ведёт так умело и безжалостно.

Хочется прижаться к его ладони, потереться щекой, как котёнок, выпросить больше этого спасительного холода и ласки, но он убирает руку. Хмурюсь, расстроенная, не понимая, почему он останавливается, почему дразнит, почему не идёт дальше.

И снова — клубника у губ.

Уже даже не пытаюсь её укусить, потому что поняла правила этой игры. Рустам будет водить ягодой, дразнить, мучить, а когда я расслаблюсь и перестану ждать — тогда, возможно, позволит попробовать её.

Он водит ягодой по моим губам, и я послушно жду, не пытаясь укусить, не пытаясь ускорить события. И вот он опять убирает ягоду. Потом касается губ. Снова убирает. И в какой-то момент, когда я уже теряю счёт этим движениям, он резко толкает ягоду глубже, и я успеваю укусить.

Сладкий сок разливается по языку — невероятно насыщенный, летний, почти приторный. Жую и чувствую, как капелька сока выскальзывает из уголка губ и начинает медленно стекать по подбородку. Собираюсь её стереть, но не успеваю — Рустам опережает меня. Проводит пальцем по моему подбородку, собирая сок, и я чувствую, как его палец задерживается на моей коже.

А потом начинается настоящая пытка.

Рустам кормит меня клубникой и поит шампанским из высокого бокала. Каждый глоток обжигает горло игристыми пузырьками, каждый укус клубники оставляет во рту сладкое послевкусие. И между этим — его прикосновения.

Мимолётные, случайные, почти невинные: пальцы скользят по моей шее, заправляя выбившуюся прядь, ладонь на секунду ложится на плечо, большой палец проводит по внутренней стороне запястья, где бьётся пульс.

И всё это в полной тишине. Он не произносит ни слова.

Только моё прерывистое дыхание нарушает эту тишину — слишком громкое, слишком частое, слишком интимное.

Все чувства обострились до предела.

Лишённая зрения, словно заново учусь воспринимать мир — через запахи, через прикосновения, через вкус. Каждое касание его пальцев отдаётся разрядом тока где-то внизу, каждый глоток шампанского кажется нестерпимо крепким, каждая ягода — слаще предыдущей.

У меня такое ощущение, что это бесконечная прелюдия, которая никогда не закончится. Что Рустам будет кормить меня, поить и касаться, касаться, касаться — но никогда не перейдёт к главному. Что это и есть наказание — быть рядом с ним, чувствовать его, хотеть его, но не иметь права взять.

Каждая клеточка моего тела тянется к нему, каждое нервное окончание пульсирует в ожидании. Начинаю ёрзать на диване, не в силах усидеть на месте, и снова слышу его тихую усмешку — он видит, что происходит, и продолжает свою игру с ещё большим удовольствием.

Совсем теряю счёт времени. Не знаю, сколько мы так сидим — десять минут или час. Знаю только, что внутри меня нарастает огромное желание, требующее выхода.

Клубника. Шампанское. Прикосновения. Тишина.

Чувствую себя пьяной, хотя сделала всего пару глотков. Но это опьянение не от шампанского — оно от него, от этой игры, от его молчания и его близости.

Клубника снова касается моих губ.

Не пытаюсь её укусить. Просто сижу с приоткрытым ртом, тяжело дыша, и жду.

Он водит ягодой по моим губам — раз, другой, третий. Убирает. Снова касается. Убирает.

Зажмуриваюсь под повязкой, стараясь успокоить бешеное сердцебиение, и в этот момент чувствую очередное прикосновение к губам. Но оно не прохладное, как от ягоды. И не сухое, как от пальца.

Оно тёплое. Живое. Мягкое.

И длится всего долю секунды.

Я не успеваю понять, что это было, потому что его уже нет. Только тепло осталось на моей коже, только электрический разряд, который прошёл от макушки до пяток. Кажется, я перестаю дышать.

Мне показалось? Или это было на самом деле?

Совсем не уверена, но всем своим существом — каждой клеточкой, каждой частичкой души —настраиваюсь на следующее прикосновение. Жду его, сгорая в ожидании.

И оно приходит.

Снова — тёплое, мягкое, живое. Короткий поцелуй, едва заметный, почти целомудренный. Губы касаются уголка моих губ, не дольше чем на секунду, и снова исчезают. Я не успеваю насладиться, не успеваю ответить, даже не успеваю понять — точно ли это были его губы.

Но я почти уверена. Надеюсь, что это были они.

Руки дрожат, сердце колотится так сильно, что, кажется, может выпрыгнуть из груди.

Я хочу ещё.

Хочу знать точно.

Хочу, чтобы Рустам сделал это снова.

В голове шумит, внизу живота пульсирует, и я сижу, не смея пошевелиться, не смея вздохнуть, только жду продолжения.

Шампанское. Клубника. Прикосновения.

И вот теперь — эти поцелуи-призраки, которые не могу различить наверняка.

А потом чувствую, как он наклоняется ко мне. Так близко, что я ощущаю его дыхание на своей щеке, на шее, на плече. Рустам двигается медленно, как дикий грациозный кот, останавливается прямо у моего уха. И наконец он нарушает молчание.

— Чего ты хочешь, Злата?..

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.